

Поэтъ - пессимистъ и ближайшій спутникъ поэзіи Пушкина.

„Въ его груди любила и томилась
Прекрасная душа
И ко всему прекрасному стремилась,
Поэзіей дыша.
Святой огонь подь холодной сѣдиною
Онъ гордо уберечь—
Не оскудѣлъ, хоть и страдалъ душою
Средь жизненныхъ тревогъ“.

Огаревъ.

(„Русская мысль, 1890 г. Октябрь“).

Евгеній Абрамовичъ Баратынскій выступилъ на литературное поприще въ 1819 году, а послѣднее его стихотвореніе, написанное за двѣ недѣли до кончины, относится къ сорокъ четвертому году. На протяженіи четверти вѣка поэтического творчества Баратынскій написалъ около двухсотъ крупныхъ и мелкихъ стихотвореній, элегій и картинъ природы, посланій и эпиграммъ, три поэмы «Эда», «Баль» и Цыганка, переводъ изъ Вольтера «Телема и Макарь», длинное стихотвореніе, по ошибкѣ называемое поэмой—«Пирры» и сказку въ стихахъ «Переселеніе душъ», одну неудачную критическую статью, «Разсужденіе о заблужденіи и истинѣ» и маленькій давно забытый всѣми и дѣйствительно плохой разсказъ «Перстень». До 35 лѣтняго возраста Баратынскій написалъ уже много стиховъ, изданныхъ отдѣльнымъ сборникомъ, но Бѣлинскій, литературный законодатель сороковыхъ годовъ, отнесся къ нему холодно, причисливъ его къ числу поэтовъ забытыхъ. Послѣ продолжительнаго молчанія и уединенія въ 1842 году Баратынскій издалъ сборникъ новыхъ стихотвореній подь общимъ именемъ «Сумерки», выдержавшемъ два изданія. Сборникъ «Сумерки» былъ посвященъ князю Петру Андреевичу Вяземскому съ слѣдующимъ посланіемъ: \

„Вамъ припошу я пѣснопѣнья,
Гдѣ отразилась жизнь моя,
Исполнена тоски глубокой,
Противорѣчій слѣпоты,
И между тѣмъ любви высокой:
Любви добра и красоты“.

Въ этихъ, очевидно, изъ глубины души идущихъ стихахъ ярко обрисована оцѣнка значенія поэзіи Баратынскаго, какъ ее понималъ онъ самъ. Такія признанія значенія собственной поэзіи есть у всякаго поэта и они важны при опредѣленіи характера творчества. Признаніе общества къ его поэзіи выразилось въ томъ, что отдѣльныя стихотворенія Баратынскаго переведены на нѣмецкій и на французскій языки и одно стихотвореніе, именно «Звѣзда», на армянскій. Поэтъ Линдгрень перевелъ нѣкоторые отрывки поэмы «Эда» на шведскій языкъ. Значеніе поэзіи Баратынскаго для потомства ясно изъ того, что въ послѣднее время о поэзіи Баратынскаго появилось нѣсколько критическихъ статей, изъ которыхъ выдающимися являются: статьи профессора Н. И. Стороженко, г. Андреевскаго и обстоятельней, хотя и краткій, очеркъ г. Венгерова въ его «Критико-Библиографическомъ словарѣ»¹⁾. Во многомъ поэзія Баратынскаго, конечно, имѣетъ исключительно историко-литературный интересъ; въ такомъ именно родѣ являются всѣ его поэмы, написанныя подъ вліяніемъ Байрона или вѣрнѣе подъ вліяніемъ Пушкинскаго байронизма. Другія, напротивъ, являются вкладомъ въ вѣчную сокровищницу литературы. Именно нѣкоторые его стихотворенія, какъ «На смерть Гёте», имѣютъ долгую будущность и испытаютъ великую судьбу, переходя стъ одного поколѣнія къ другому. Большинство же стихотвореній Баратынскаго, обнаруживаютъ крупные художественные недостатки, которые замѣтны, вслѣдствіе быстраго развитія русской поэзіи со времени Пушкина. Значительная часть его литературнаго наслѣдства сохраняетъ живой интересъ для современнаго читателя, вслѣдствіе главнымъ образомъ глубины мысли, мощи духовнаго полета, искренности общихъ для всѣхъ мыслящихъ людей настроеній, сильно и правдиво выраженныхъ въ

---

¹⁾ Къ этому надо присоединить еще рядъ статей вышедшихъ въ этомъ 1900 году ввиду столѣтія со дня рожденія поэта; ихъ выходъ въ печати былъ значительно позднѣе того времени, когда уже законченъ былъ этотъ этюдъ.

звучныхъ, прекрасныхъ, вслѣдствіе гармоніи формы съ содержаніемъ, и оригинальныхъ стихахъ. При воспоминаніи о Пушкинѣ невольно выплываетъ меланхолическій образъ его поэтического спутника, тускнѣющій въ отношеніи художественной силы, но не уступающій по оригинальности мысли при сравненіи съ богатыремъ русской поэзій. Многимъ обязанный Пушкину и его кружку, Баратынскій проявилъ въ своей поэзій столько глубокомыслія и художественнаго дарованія что Бѣлинскій призналъ его самымъ яркимъ и замѣчательнымъ изъ поэтовъ, появившихся вмѣстѣ съ Пушкинымъ. Фраза Альфреда-де Мюссе «*Mon verre est petit, mais je bois dans mon verre*» наиболее примѣнима къ поэзій Баратынскаго. При изученіи поэтического наслѣдья Баратынскаго интереснымъ представляется вопросъ—на сколько его творчество испытало вліяніе Пушкинскаго гения и гдѣ граница этого вліянія и начало оригинальной стихій его поэзій. Этотъ вопросъ можетъ быть разрѣшенъ ознакомленіемъ съ біографіей Баратынскаго, выясненіемъ основныхъ чертъ его характера, тѣхъ внутреннихъ и внѣшнихъ условий, которыя опредѣлили его развитіе, а также знакомствомъ съ той общественной средой, гдѣ развивались его природныя наклонности, а также и съ атмосферою того историческаго момента, въ которой пришлось жить, т. е. для Баратынскаго мыслить, впечатлительному и отзывчивому къ духовнымъ проявленіямъ поэту. Такая постановка вопроса дастъ возможность вставить образъ поэта въ историческую рамку и изучить его поэтическое творчество, какъ одинъ изъ документовъ исторіи Пушкинской эпохи, важной по филигранному многообразію проявленій творческаго духа русской націи.

Родился Баратынскій почти годъ спустя послѣ Пушкина и пережилъ его лишь немногими годами. Печальна была его юность и не могла ни въ какомъ случаѣ способствовать развитію жизнерадостнаго настроенія. Баратынскій въ раннемъ дѣтствѣ лишился отца и воспитывался подъ наблюденіемъ матери, письма къ которой не доказываютъ интимной нѣжности, хотя и откровенны въ вопросахъ отвлеченныхъ. Няню Пушкина Арину Родіоновну Баратынскому замѣнялъ его дядька—итальянецъ Джьячинто Боргезе. Если Пушкинъ имѣлъ основаніе народную струю своей поэзій объяснять вліяніемъ «подруги дней его суровыхъ», то этого благотворнаго вліянія былъ лишень Баратынскій и *народныхъ элементовъ въ его поэзій совер-*

шенно нтъ. Зато, неизвѣстно какими путями занесенный въ Тамбовскую глушь, старикъ-итальянецъ, своими рассказами о Неаполѣ и Римѣ, о Колизеѣ и Везувіи и другихъ чудесахъ Италіи пробудилъ въ чуткомъ юношѣ неизмѣнную и глубокую любовь къ красотамъ дивной страны волшебнаго юга, которую ему пришлось увидѣть только въ послѣдніе годы жизни. Послѣ смерти поэта было напечатано длинное поэтическое посланіе Баратынского изъ Неаполя къ участнику «семейныхъ праздниковъ» и юныхъ «слезъ» его ранняго дѣтства, въ которомъ любовь къ Италіи переплетается съ любовью къ наставнику. Съ лѣтами эта любовь къ Италіи у Баратынскаго получила, конечно, уже болѣе сознательные мотивы, чѣмъ въ дѣтствѣ. Но и эти впечатлѣнія не тускнѣли въ душѣ поэта. «Нѣтъ», пишетъ онъ обращаясь къ Боргезе:

Ты не забылъ отчизны лучезарной!
 Везувій, Колизей, гротъ Капри, храмъ Петра
 Имѣлъ ты на устахъ отъ утра до утра;
 Именовалъ ты намъ и принцевъ и прелатовъ
 Земли, гдѣ зрѣлъ, дивясь, Суворовскихъ солдатъ.

Какъ Пушкинъ надолго сохранилъ близкія отношенія къ своей знаменитой нянѣ, такъ и Баратынскій, вспоминая Боргезе, говоритъ:

„Благодаря богамъ, съ тобой за эгимъ вслѣдъ
 Другъ другу не были мы чужды двадцать лѣтъ“.

Золотые сны ранняго дѣтства поэта проходятъ быстро, и жизнь съ ея терніями скоро даетъ Баратынскому себя чувствовать. Двѣнадцати лѣтъ юноша Баратынскій былъ отвезенъ въ Петербургъ и, ввиду незнанія нѣмецкаго языка, опредѣленъ въ Пажескій корпусъ въ классъ, его возрасту несоотвѣтствующій, фактъ, обыкновенно приводящій къ пренебреженію занятіями. Какъ выяснили (по документамъ архива Пажескаго корпуса) недавно данныя его біографіи, будучи 16 лѣтъ, хотя по своему раннему развитію онъ могъ быть приравниваемъ къ двадцатилѣтнему возрасту,—онъ принималъ участіе въ некрасивыхъ продѣлкахъ своихъ товарищей, въ пирушкахъ на деньги, которыя мальчишки воровали, доставъ ключъ отъ стола у богатаго родственника одного изъ воспитанниковъ. Этотъ грустный фактъ, долго тщательно скрываемый и поэтомъ и его родственниками, очень му-

чилъ самого Баратынскаго; онъ былъ причиною его исключенія изъ корпуса и поступленія, впоследствии, въ рядовые въ гвардейскій егерскій полкъ. Всю жизнь Баратынскій былъ безукоризненно честнымъ человекомъ, прекраснымъ и полезнымъ членомъ общества, и только близорукостью суровыхъ педагоговъ можно объяснить слишкомъ строгую кару, которая была еще смягчена, благодаря ходатайству Жуковскаго. Въ одномъ стихотвореніи Баратынскій объясняетъ внутреннюю причину, почему онъ отбросилъ безумную мысль о самоубійствѣ, которая долго преслѣдовала его:

„Меня тягчиль печалей грузъ;
Но не упаль я передъ рокомъ,
Нашель отраду въ пѣсняхъ Музъ
И въ равнодушїи высокомъ,
И свѣтомъ презрѣнный удѣлъ
Облагородить я умѣлъ“.

Такой горестный случай въ жизни оказалъ серьезное вліяніе на характеръ Баратынскаго. Съ раннихъ лѣтъ онъ отличался вдумчивымъ отношеніемъ къ окружающей жизни. Письма лучше всего раскрываютъ интимныя стороны нѣжной, впечатлительной и слишкомъ склонной къ размышленіямъ натуры поэта. Съ юныхъ лѣтъ онъ искалъ дружбы и находилъ, какъ онъ признается въ откровенномъ письмѣ къ матери — только холодную учтивость и расчетливость. Когда ему было четырнадцать лѣтъ, то въ своихъ полныхъ размышленій письмахъ къ матери, онъ высказываетъ мысли, которыя впоследствии получили у поэта глубокое развитіе и пышнымъ цвѣтомъ разцвѣли въ его мрачной и меланхолической поэзіи.

«Croyez moi, ma chère maman, que l'on peut s'habituer à tout, excepté à la tranquillité et à l'ennui. J'aimerais mieux être parfaitement malheureux, que parfaitement tranquille; le sentiment de mes maux me rapellerait que j'existe». (Вѣрьте, милая маменька, ко всему можно привыкнуть, кромѣ бездѣйствія и скуки. Я предпочелъ бы даже несчастіе невозмутимому покою. Сознаніе моихъ бѣдствій удостоивъряло бы меня въ томъ, что я существую). Въ послѣднемъ письмѣ изъ Пажескаго корпуса Баратынскій, которому не исполнилось и семнадцати лѣтъ уже жалуется на «скрытый ядъ, который гложетъ его и дѣлаетъ неспособнымъ къ какому бы то ни было радостному ощущенію».

Раннее проявленіе размышленій въ духѣ Декарта мѣшало юношѣ отдаваться непосредственнымъ жизненнымъ впечатлѣніямъ. Эта основная черта его характера развилась до изумительныхъ размѣровъ подѣ влияніемъ тяжелаго удара судьбы, такъ внезапно разразившагося надъ вдумчивой головкой юнаго философа.

„Жизнь непогодю мятежной,
Ты знаешь, встрѣтила меня“,

горюетъ Баратынскій въ поэтической сказкѣ «Переселеніе душъ»;

— За бѣдствомъ бѣдство подымалось,
Ввѣкъ надъ главою моею, казалось,
Не вздыдетъ радостнаго дня.
Порой смирялъ я гнѣсноцѣвьемъ
Порывъ болѣзненныхъ страстей,
Но мнѣ тяжелымъ вдохновеньемъ
Была печаль души моею.

Въ письмѣ къ Жуковскому Баратынскій признается, что онъ «сто разъ готовъ былъ лишиться себя жизни» и только любовь къ матери, и кротость ея къ его поступку удерживали его. Къ этимъ прозаическимъ причинамъ надо присоединить еще любовь къ поэзіи и возвышенность настроенія. Въ Петербургѣ, благодаря знакомству съ Дельвигомъ, которое впоследствии перешло въ тѣсную дружбу, Баратынскій былъ введенъ «въ семейство добрыхъ музъ». — Въ сонетѣ посвященномъ Н. М. Языкову Дельвигомъ говорить:

„Пѣвца Пировъ я съ музой подружилъ
И славой ихъ горжусь въ вознагражденье“.

Баратынскій вошелъ въ кружокъ извѣстныхъ литераторовъ съ Пушкинымъ во главѣ, а вскорѣ и его первые поэтическіе опыты были напечатаны безъ его вѣдома Дельвигомъ. Письма Баратынскаго въ этотъ періодъ ясно характеризуютъ его горестное настроеніе, имѣющее тѣсную связь и непосредственное развитіе съ чувствами, обнаруженными имъ въ дѣтствѣ.

«Во мнѣ веселость, пишетъ Баратынскій—Путятъ — усиліе гордаго ума, а не дитя сердца. Съ самаго моего дѣтства я тяготился зависимостью и былъ угрюмъ, былъ несчастливъ». Въ другомъ письмѣ

Баратынский связывает свое настроеніе съ настроеніемъ большей части тогдашней молодежи: «Какой несчастный даръ воображеніе, слишкомъ превышающее разсудокъ! Какой несчастный плодъ, преждевременный плодъ преждевременной опытности — сердце, жадное счастья, но уже неспособное предаться одной постоянной страсти и теряющееся въ толпѣ безпредѣльныхъ желаній!» Въ этихъ строкахъ обнаруживается пессимизмъ, являющійся продуктомъ рефлексіи, которая дала поводъ Пушкину назвать Баратынскаго «русскимъ Гамлетомъ»; этотъ пессимизмъ является *доминирующимъ* настроеніемъ въ творчествѣ поэта-мыслителя. Мучительный душевный разладъ, вѣчныя сомнѣнія и тяжелое внутреннее раздвоеніе, такъ ярко выразившееся въ письмахъ и стихахъ этого періода, всю жизнь тяготятъ надъ Баратынскимъ, и временное облегченіе, минута радости и свѣтлаго безоблачнаго счастья не уничтожаютъ мрачнаго раздумья, переходящаго порою въ безпросвѣтную пессимистическую скорбь. Литературные герои того времени, Онѣгинъ и Печоринъ, обрисованные подъ различнымъ освѣщеніемъ двухъ геніальныхъ, но мало сходныхъ другъ съ другомъ поэтовъ, рисуютъ представителей молодежи той эпохи. Основныя черты типа—разочарованнаго, погруженнаго въ неустанный тревожный самоанализъ, съ тонкимъ умомъ, и холоднымъ взглядомъ на радости жизни и съ сердцемъ, лишеннымъ способности вѣрить и увлекаться—характеризуютъ Баратынскаго, какъ сына своего времени. Произведенный въ 1820 году въ унтеръ-офицеры, Баратынский былъ переведенъ въ Финляндію въ заходустье Кюменскихъ и Рочесмальскихъ укрѣпленій для тяжелой строевой службы. Дикія красоты Финляндіи оказали неизгладимое впечатлѣніе на душу поэта, которое и выразилось въ рядѣ стихотвореній, укрѣпившихъ за Баратынскимъ имя «пѣвца Финляндіи». Въ поэмѣ «Эда» могучими чертами поэтъ описываетъ дивную природу сѣверной горной страны. Ей посвящаетъ онъ длинное стихотвореніе «Финляндія». Тѣмъ, чѣмъ для Пушкина и Лермонтова былъ Кавказъ, для Баратынскаго были:

„Граниты Финскіе, граниты вѣковые,
Земля ледяного вѣнца
Богатыри сторожевые.

Но какъ Пушкину, и въ особенности Лермонтову, грандіозная и угрюмая природа Кавказа внушала гордыя мысли о вѣчномъ разладѣ

между тревожными запросами духа и печальною дѣйствительностью, такъ и у Баратынскаго суровый край, котораго «пугаяся дивятся взоры», дряхлыя гранитныя скалы, развалины, одѣтыя «печальнымъ мохомъ», сосновые лѣса и бурные водопады вызывали смутныя и тяжелыя думы.

„Что жъ наши подвиги, что слава нашихъ дней?
Что наше вѣтренное племя?
О, все своей чредой исчезнетъ въ безднѣ лѣтъ,
Для всѣхъ одинъ законъ, законъ уничтоженья;
Во всемъ члѣ слышится таинственный привѣтъ
Обѣтованнаго забвенья!“

Судьба поблагопріятствовала Баратынскому найти себѣ друга въ лицѣ своего начальника Коншина, очень цѣнившаго литературный талантъ поэта, и даже подражавшаго ему въ стихахъ, имѣющихъ въ настоящее время исключительно историко-литературный интересъ. Бесѣды о вопросахъ житейской философіи и литературѣ оживляли опальную жизнь Баратынскаго. Впослѣдствіи, произведенный въ офицеры, Баратынскій съ глубокимъ чувствомъ вспоминаетъ Финляндію и въ письмѣ къ Путятѣ груститъ о ней: «Я пережилъ въ Финляндіи все», съ обычнымъ преувеличеніемъ разочарованнаго человѣка сообщаетъ Баратынскій другу свои воспоминанія: «ея живописныя, хотя и угрюмыя, горы походили на прежнюю судьбу мою, также угрюмую, но по крайней мѣрѣ довольно обильную въ отличительныхъ краскахъ». Гораздо отраднѣе оцѣнивалъ Баратынскій значеніе Финляндіи для его поэтическаго творчества въ лучшую пору своей литературной дѣятельности въ 1830 году. «Этотъ край,—пишетъ онъ,—былъ пѣстуномъ моей поэзіи. Лучшая мечта моей поэтической гордости состояла бы въ томъ, чтобы въ память мою посѣщали Финляндію будущіе поэты». Природа не могла успокоить внутреннихъ мученій погруженнаго въ сомнѣнія поэта. Не могло заглушить боли внутренняго разлада и духовной неудовлетворенности и личное счастье, озарившее его дальнѣйшую жизнь. Вскорѣ по пріѣздѣ въ Москву, Евгенийъ Абрамовичъ женился на дочери Энгельгарта, дѣвушкѣ, по общимъ отзывамъ, прекрасно образованной и одаренной тонкимъ критическимъ чутьемъ. По словамъ сына поэта, Евгенийъ Абрамовичъ находилъ въ ней «ободряющее сочувствіе его вдохновеніямъ и спѣшилъ ей прочитывать только что

вышедшія изъ подъ пера его произведенія». Поэтъ посвящаетъ ей нѣсколько стихотвореній, дышащихъ искреннею любовью: «О, вѣрь: ты нѣжная, дороже славы мнѣ», «Своенравное признанье» и «Когда, дитя и страсти, и сомнѣнья». Эти стихотворенія въ художественныхъ, гармоничныхъ строкахъ обрисовываютъ истинный, сердечный союзъ, основанный на душевномъ внутреннемъ единеніи, поэта. Семейное счастье однако не могло успокоить мятежнаго духа погруженнаго въ рефлексію Баратынскаго. Источникъ его печали не виѣшній, а внутренній, лежащій въ глубинѣ его неуравновѣшанной натуры. Едва ли кто-нибудь сумѣлъ бы исцѣлить недугъ разочарованія скорбнаго поэта. Въ счастливые годы женитьбы поэтъ воспѣваетъ «печали души» съ «холодною тоскою», лелѣетъ надежду въ смерти найти отдыхъ отъ утомленія мысли надъ бесплоднымъ усиліемъ разрѣшить міровые вопросы. Одновременно съ мелодичными стихами, посвященными спутницѣ его жизни, изъ лиры разочарованнаго пѣвца раздаются звуки міровой скорби и горькихъ размышленій:

„Наслаждайтесь: все проходитъ!
То благой, то строгій къ намъ
Своенравно рокъ приводитъ
Насъ къ утѣхамъ и бѣдамъ.
Чуждъ онъ долгаго пристрастья.
Вы, чья жизнь полна красы,
На лету ловите счастья
Ненадежные часы“.

Въ другомъ прочувствованномъ элегическомъ стихотвореніи, относящемся къ слѣдующему году послѣ женитьбы, Баратынскій въ еще болѣе рѣзкихъ чертахъ рисуетъ свое мрачное настроеніе:

„Страдаю я. Изъ-за дубравы дальней
Взойдетъ заря,
Мірѣ озарить, души моей печальной
Не озаря!
Будь новый день любимцу въ счастье, въ сладость,
Душѣ моей
Противенъ онъ. Что прежде было въ радость,
То въ муку ей.
Что красоты, почти всегда лужавой,
Мнѣ долгій взоръ?“

Обманчивъ онъ! Знакомъ съ его отравой
Я съ давнихъ поръ.
Обманчивъ онъ! Его живая сладость
Душѣ моей
Страшна теперь! Что прежде было въ радость,
То въ муку ей.

Поэтическіе образы Баратынскому служатъ лишь для выраженія идей міровой и личной скорби. Эти образы суть факторы для опредѣленія его формъ мышленія, между тѣмъ какъ у другихъ поэтовъ они отражаютъ или дѣйствительный міръ или чувства, вызванныя его явленіями. Эта скорбь всегда искренняя и поэтому глубока.

Литературная дѣятельность Баратынскаго съ годами разцвѣтаетъ, и «промѣнявъ безпокойны сны страстей на тихій сонъ тихаго счастья», Баратынскій все болѣе и болѣе отдается поэзіи, и талантъ его совершенствуется. Но его муза поетъ только о думахъ поэта надъ неразгаданными противорѣчіями бытія. Въ этотъ періодъ Баратынскій завязываетъ новыя отношенія съ кругомъ современныхъ литераторовъ. Изъ числа лицъ, входящихъ въ кружокъ Пушкина, съ которыми рано сошелся Баратынскій, съ одной стороны съ нимъ знакомятся сотрудники «Московского Телеграфа», а съ другой—сюда присоединяются теперь будущіе славянофилы: И. Кирѣевскій, Языковъ, Хомяковъ. Пренія партій не касались близко внутренней жизни поэта. Въ двадцатыхъ годахъ входившій въ кружокъ будущихъ декабристовъ, Баратынскій, не будучи посвященъ въ тайны этого общества, сочувствовалъ тому, что заключалось въ «великодушномъ, неопредѣленномъ и гибкомъ словѣ свобода»:

„Съ неба, чистая, золотистая,
Къ намъ слетѣла ты;
Все прекрасное, все опасное,
Намъ пропѣла ты“.

воспѣвалъ поэтъ въ ранней молодости гимнъ свѣтлой богинѣ. Съ лѣтами Баратынскій переходитъ къ болѣе умѣреннымъ воззрѣніямъ, и только одна мечта объ уничтоженіи крѣпостного права неугасимо живетъ въ его душѣ. «У меня солнце на сердцѣ, когда думаю о будущемъ,—пишетъ Баратынскій, прочитавъ манифестъ объ обя-
занныхъ крестьянахъ: «вижу полную возможность исполненія вели-

каго дѣла и скоро и спокойно». Жизнь подъ Москвою въ сельцѣ Мурановѣ питала, конечно, эту мысль, при непосредственномъ наблюденіи бѣдности и страданія народа и вмѣстѣ съ тѣмъ дикаго проявленія помѣщичьей власти. Къ этому періоду относятся поэмы «Баль» и «Цыганка» и бѣольшая часть лирическихъ стихотвореній Баратынскаго. Мрачный гимнъ «Смерти», воспѣваніе «Безнадежности», стихи, озаглавленные «Черепу», и пѣснь о «сладкой отравѣ» любви, все это достаточно убѣдительно говорятъ о настроеніи скорбнаго поэта размышленій и разочарованія въ этотъ періодъ.

Неудовлетворенность дѣйствительностью рождаетъ въ душѣ стремленіе уйти въ область красоты и желаніе улетѣть въ безграничное царство прекраснаго. Отсюда та пожизненная любовь къ Италіи у Баратынскаго, то стремленіе въ страну нѣги и роскоши юга, гдѣ могъ бы отдохнуть взоръ и успокоиться сердце, измученное тяжелою неудовлетворенностью жизни. Воспринятое въ дѣтствѣ изъ разсказовъ Боргезе, желаніе посѣтить лучшей край земли развивается и крѣпнеть у Баратынскаго подъ вліяніемъ душевнаго разлада, мукъ рефлексіи. Въ бесѣдѣ съ друзьями Баратынскій выразилъ свои стремленія на югъ въ истинно - художественной импровизаціи; которая, по словамъ Н. Баратынскаго, еще въ Москвѣ случайно вылилась изъ устъ поэта:

„Небо Италіи, небо Торквата,
Прахъ поэтической древяго Рима,
Родина нѣги, славой богата,
Будешь ли нѣкогда мною ты зрима?
Рвется душа, нетерпѣньемъ объята,
Къ гордымъ остаткамъ падшаго Рима;
Снятся мнѣ горы, дѣса благовонны,
Снятся упавшихъ чертоговъ колонны.

Ласкаемый судьбою во второй періодъ жизни, Баратынскій осуществилъ свою завѣтную мечту. Въ 1843 году вмѣстѣ съ женою поэтъ отправился въ путешествіе на югъ. Въ Парижѣ онъ имѣлъ свиданіе съ А. И. Тургеневымъ и французскими литераторами С. Бевомъ, Мериме, Ламартинюмъ и Гизо. Весною они прибыли въ Неаполь. Рокковымъ образомъ надъ Баратынскимъ исполнилась старинная итальянская поговорка: «Vedi Napoli e poi mori». Поэтъ едва успѣлъ переслать свою лебединую пѣснь «Пироскафъ», какъ

надъ нимъ разразился ударъ, покончившій его счеты съ жизнью. «Безпокойство объ исходѣ заболѣвшей въ дорогѣ жены», по словамъ сына поэта, «способствовало усилению, оказавшейся у него при этомъ головной боли». 29-го іюня, 1844 г. Баратынскій обрѣлъ вѣчный покой, къ которому рвалась его мятежная душа, измученная подъ бременемъ сомнѣній и рефлексіи.

«Пѣвецъ любви, печали, сердечныхъ думъ и сердечныхъ сомнѣній, своеобразный поэтъ, высокій, глубоко чувствующій художникъ, искренній въ каждомъ звукѣ, отчетливо-изящный въ каждой мечтѣ, похищенный преждевременной смертью, оставилъ въ нашей словесности нѣсколько прекрасныхъ созданій, не оцѣненныхъ по своему достоинству, но почти ничтожныхъ въ сравненіи съ тѣмъ, что онъ могъ сдѣлать», («Москвитянинъ», 1845 г., № 1).

Этими словами П. В. Кирѣевскій почтилъ смерть безвременно погибшаго поэта.

Другой современникъ и близкій знакомый поэта, князь Петръ Андреевичъ Вяземскій, въ «Старой записной книжкѣ» характеризуетъ Баратынскаго: «Баратынскій никогда не бывалъ пропагандистомъ слова. Онъ, можетъ быть, былъ слишкомъ лѣнивъ для подобной дѣятельности, а во всякомъ случаѣ слишкомъ скромнень и сосредоточенъ въ себѣ. Едва ли можно было встрѣтить человѣка умнѣе его, но умъ его не выбивался наружу съ шумомъ и обиліемъ. Нужно было допрашивать, такъ сказать, буравить этотъ подспудный родникъ, чтобы добыть изъ него чистую и свѣтлую струю. Но за то попытка и трудъ бывали богато вознаграждаемы. Умъ его былъ преимущественно способенъ къ разбору и анализу. Онъ не любилъ возбуждать вопросы и выкликать пренія и словесныя состязанія; но за то, когда случалось, никто лучше его не умѣлъ вѣрнымъ и мѣткимъ словомъ порѣшать сужденія и выражать окончательный приговоръ и по вопросамъ, которые, болѣе или менѣе, казались ему чужды, какъ, напр., вопросы внѣшней политики или новой нѣмецкой философіи, бывшей тогда русскимъ конькомъ нѣкоторыхъ изъ московскихъ коноводовъ. Во всякомъ случаѣ, какъ былъ онъ сочувственный, мыслящій поэтъ, такъ равно былъ онъ мыслящій и пріятный собесѣдникъ. Аттическая вѣжливость, съ нѣкоторыми приѣмами французской остроты и любезности, отличавшихъ прежде французское общество, плѣнительная мягкость въ обращеніи и въ сношеніяхъ, нѣкоторая застѣн-

чивость при умѣ самобытномъ, твердо и рѣзко опредѣленномъ, всѣ эти качества, всѣ эти прелести придавали его личности особенную физиономію и утверждали за нимъ особенное мѣсто среди блестящихъ современниковъ и совмѣстниковъ его». (Соч. VIII т., стр. 290).

Этими словами характеризованная по внѣшности Вяземскимъ, личность Баратынскаго ярко и опредѣленно выразилась въ своей сокровенной внутренней сущности въ его поэтическомъ творествѣ. Въ своей поэзіи Баратынскій въ музыкальныхъ, меланхолическихъ и стройныхъ стихахъ выражалъ скрытые стоны вѣчно мучимаго сомнѣніями духа. Мрачныя глубины его тоскующей души открывались въ грустныхъ мелодіяхъ его горькихъ напѣвовъ. Повсюду одна господствующая нота, заглушающая разнобразные звуки струнъ его лиры, то воспѣвающей природу, то отдающейя благамъ жизни и веселья, то рисующей людей и ихъ страсти. Эта нота—глубокій и своеобразный пессимизмъ, разрушающій иллюзіи, переполняющія міръ, которыя не въ состояніи надолго очаровывать пронизательный взглядъ мыслителя-поэта. Все, чего только ни касается развѣдающій анализъ Баратынскаго,—теряетъ вдругъ свой очаровательный обликъ, обольстительная маска падаетъ, и передъ взорами являются безобразныя очертанія сущности, скрытыя подъ обманчивою розовой оболочкою полной ложныхъ чаръ дѣйствительности.

„Немирнаго душой, на мирномъ ложѣ сна,
Тягъ убѣгаетъ усыпленье—
И гдѣ для каждаго доступна тишина,
Страдальца ждетъ одно волненье“.

Изнанка явленій всегда открыта предъ остріемъ проникновеннаго ума мрачнаго наблюдателя, передающаго свои печальныя замѣтки не въ ѣдкихъ и желчныхъ сарказмахъ, не въ могучихъ и сильныхъ аккордахъ негодованья, а въ грустно-пѣвучихъ, нѣжныхъ, стонущихъ стихахъ, напоминающихъ мелодичные звуки заунывной па-стухеской волшебной свирѣли. Но стихи Баратынскаго не элегіи. Сущность элегіи заключается исключительно въ минорныхъ настроеніяхъ. А поэзія Баратынскаго—поэзія мыслей. У него нѣтъ образовъ вызванныхъ чувствами, а его строфы выражаютъ размышленія о противорѣчіяхъ бытія и несоотвѣтствіе внутреннихъ запросовъ духа съ мировымъ устройствомъ вселенной и ея явленіями. Ориги-

нальность Баратынского въ размышленіяхъ, выраженныхъ всегда поэтично, образно, въ яркихъ и точныхъ словахъ. Поэзія Баратынскаго есть поэзія пессимизма, въ которой грусть неразрывно переплетается съ метафизикой, міровая скорбь вызвана размышленіями, элегическій тонъ только облачаетъ мрачныя безысходныя думы. Область его поэтического творчества ясно очерчивается. Въ этой сферѣ Баратынскій оригиналенъ, мало того,—въ ней онъ является новаторомъ въ русской литературѣ, породившимъ собою цѣлую школу поэтовъ пессимизма и рефлексіи. Основа поэзіи Баратынскаго лежитъ на органическихъ устояхъ его психической организаціи, кроется въ его темпераментѣ и въ лишенномъ волевой энергіи, и склонномъ къ апатіи и лѣни характерѣ. Баратынскій—меланхоликъ, въ которомъ жизненные диссонансы проникають глубоко внутрь, порождая сильныя, но всегда пассивныя волненія. У него была натура съ преобладаніемъ умственнаго интеллекта. У Баратынскаго размышленія имѣють постоянный перевѣсъ надъ чувствами, обнаруживая тяжелый разладъ разсудка и надъ непосредственной воспримчивостью, преобладаніе воображенія и фантазіи надъ простымъ пользованіемъ жизнью. Созерцаніе міровыхъ феноменовъ и проникновеніе въ сущность явленій приводитъ поэта къ внутреннему раздвоенію, отъ впечатлѣнія разлада между наблюдаемымъ и тѣмъ, чего требуетъ безграничный духъ; отсюда міровая грусть и мучительная жажда успокоенія; тщательное исканіе выхода и разочарованіе найти въ жизни успокоивающія реальности,—вотъ все, къ чему могутъ быть сведены глубокомысленные мотивы поэзіи Баратынскаго. Погруженный въ себя, въ неумолкаемую тревогу запросовъ собственной души, Баратынскій мало касается въ своей метафизической поэзіи реальной дѣйствительности, находя исключительно въ горнилѣ собственной внутренней жизни источники лирическаго вдохновенія. Въ этомъ граница, отдѣляющая его поэзію отъ Пушкинскои и предѣлъ его оригинальности. Пушкинъ, какъ извѣстно, былъ гениальнымъ пѣвцомъ прекрасной стороны дѣйствительности. Постигнувъ духъ народа, его идеалы и вѣрованія съ одной стороны и воспользовавшись съ другой стороны всѣми пріобрѣтеніями европейской поэзіи въ области развитія художественныхъ формъ, Пушкинъ эстетически претворялъ конкретное содержаніе русской дѣйствительности въ эти высшія эстетическія формы всемірной поэзіи. Баратынскаго на-

родная основа жизни не захватывала: онъ былъ полонъ собою, а изучать дѣйствительность въ ея главныхъ устояхъ было не въ его натурѣ. Баратынскій слишкомъ любилъ предаваться размышленіямъ и возвышеннымъ полетамъ духа и грустить надъ разладомъ идеальныхъ міровыхъ представленій и горькой, жалкой дѣйствительности; онъ стремился найти успокоеніе отъ скорби, нерѣдко жаждалъ смерти и любилъ воспѣвать прекращенія бытія, и не могъ, поэтому, отдаться живымъ реальнымъ мотивамъ, а тѣмъ болѣе не былъ въ состояніи ввести въ поэзію элементъ народности. Въ этомъ разгадка второстепеннаго значенія Баратынскаго сравнительно съ Пушкинымъ, при рѣзкой притомъ разницѣ въ ихъ природныхъ дарованіяхъ. Дѣйствительно, какимъ жесткимъ и рѣзкимъ диссонансомъ звучитъ постоянно тоскующая и скорбная поэзія Баратынскаго, при сравненіи съ жизнерадостной поэзіей Пушкина, которому были чужды окончательный разладъ, отчаяніе и безотрадное уныніе. Если подобныя настроенія встрѣчаются въ поэзиі свѣтлаго генія, то они объясняются тяжелыми обстоятельствами его личной жизни въ эти періоды и не имѣютъ въ основѣ пессимистическаго міросозерцанія. Его минутную скорбь никогда нельзя назвать міровою: она всегда имѣетъ личный смыслъ реального недовольства жизнью. Пушкинъ всегда находилъ въ идеальномъ поэтическомъ созерцаніи выходъ изъ безнадежности, или въ любви къ разцвѣту молодой жизни, къ новому поколѣнію, идущему смѣнять поколѣніе прежнее, или въ очарованіи вѣчной красотой природы или, наконецъ, въ любви къ самой жизни въ ея наилучшихъ проявленіяхъ. Съ другой стороны, основная черта-рефлексія, т. е. пристальное вниманіе къ внутреннимъ духовнымъ процессамъ, въ поэзиі Баратынскаго ярко отдѣляетъ его отъ протестующей музы поэтовъ-гражданъ. Въ стихотвореніи «Гнѣдичу» Баратынскій пишетъ о невозможности и бесполезности гражданскаго протеста для его поэзіи:

„Но ты ли мнѣ велишь оставить мирный слогъ
И ѣдкой желчію налитывая строки,
Сатирою возстать на глупость и пороки...“

И далѣе Баратынскій силою ѣдкаго скептицизма, присущаго философскому направленію его мысли, въ размышленіяхъ о тщетности

безполезныхъ упованій и избыточныхъ надеждъ, отвергаетъ совѣты Гнѣдича:

„Но если полную свободу мнѣ дадутъ,
Того ль я утрашу, кому не страшень судъ?
Кто въ сердцѣ должнаго укора не находитъ,
Кого и Божій гнѣвъ въ заботу не приводитъ,
Того ли оскорбить язвительный языкъ?
Онъ совѣсть усыпилъ, къ позору онъ привыкъ“.

Въ концѣ этого длиннаго посланія къ Гнѣдичу, Баратынскій указываетъ на иной путь, предстоящій его поэзии:

„Нѣтъ, нѣтъ! Разумный мужъ идетъ путемъ инымъ,
И снисходительный къ дурачествамъ людскимъ,
Не выставляетъ ихъ, но сноситъ благоравно;
Онъ не пытается, увѣренный забавно
Во всемогущество болтанья своего,
Имъ въ людяхъ измѣнить людское естество“.

Это безвѣрье въ возможность нравственнаго воздѣйствія поэзии и отрицаніе задачи поэзии <лирой возбуждать добрыя чувства> также характеризуетъ различіе между Баратынскимъ и Пушкинымъ и рѣзко очерчиваетъ жизненный пессимизмъ перваго.

Въ послѣднихъ строкахъ этого посланія высказана, очевидно, справедливая мысль, что отъ поэта можно требовать лишь того, что по самой натурѣ и свойствамъ своего дарованія онъ способенъ воспѣвать. Баратынскій былъ поэтомъ скорби и по своей природѣ и свойствамъ таланта былъ далекъ отъ возведенія русской дѣйствительности въ перлъ созданія и одинаково далекъ отъ гражданскихъ мотивовъ и отъ прославленія прогресса, какъ того требовалъ Бѣлинскій въ статьѣ, посвященной «Сумеркамъ» Баратынскаго. Пушкинъ вѣрно угадалъ основу его поэзии. «Баратынскій принадлежитъ къ числу отличныхъ нашихъ поэтовъ. Онъ у насъ оригиналенъ, ибо мыслить. Онъ былъ бы оригиналенъ и вездѣ, ибо мыслить по своему, правильно и независимо, между тѣмъ какъ чувствуетъ сильно и глубоко. Гармонія его стиховъ, свѣжесть слога, живость и точность выраженія должны поразить всякаго, хотя нѣсколько одарен-

наго вкусомъ и чувствомъ». Съ внѣшней точки зрѣнія стихотворенія Баратынскаго раздѣляются на лирическіе стихи и эпическія поэмы. Но это раздѣленіе не вполне точно, такъ какъ эпическихъ поэмъ въ строгомъ смыслѣ слова нѣтъ у Баратынскаго. Нѣкоторыя изъ его поэмъ крайне субъективны, многія стихотворенія написаны въ тонѣ вполне объективномъ. Есть стихотворенія, которыя заняты описаніемъ наблюденій поэта, безъ выраженія личныхъ чувствъ и думъ, но самый выборъ темы и то или другое освѣщеніе даетъ этимъ изображеніямъ субъективный колоритъ. Къ вполне объективнымъ произведеніямъ Баратынскаго можетъ быть отнесено извѣстное стихотвореніе: «На смерть Гёте». При нѣкоторыхъ преувеличеніяхъ, оно прекрасно рисуетъ пантеизмъ гениальнаго нѣмецкаго олимпійца и въ музыкальныхъ, чарующихъ стихахъ охватываетъ всю глубину и ширь поэзіи германскаго гениа. Лучшее мѣста этой пьесы, несомнѣнно, составляютъ вкладъ въ вѣчную сокровищницу всемірной поэзіи:

„Съ природой одною онъ жизнью дышалъ,
Ручья разумѣлъ лепетанье
И говоръ древесныхъ листовъ понималъ,
И чувствовалъ травъ прозябанье.
Была ему звѣздная книга ясна,
И съ нимъ говорила морская волна“.

Къ вполне объективнымъ стихотвореніямъ Баратынскаго относятся «Скульпторъ», «Мадонна», и «Бѣсенокъ». Отчасти сюда можетъ быть отнесено и стихотвореніище «Пѣсня». Послѣднія двѣ пьесы прекрасны по своей простой, безыскусственной и гармонической формѣ; онѣ написаны въ народномъ стилѣ. Но народность не распространяется дальше внѣшней формы, всё выраженія для которой взяты поэтомъ изъ области народныхъ представленій и вѣрованій и изъ прелестной сокровищницы русскаго народнаго языка. «Пѣсня, заканчивается минорными мотивами, придающими субъективный колоритъ всей пѣснѣ юнаго ратника, покинувшаго родную мать и вспоминающаго о своей милой. Въ изящной по формѣ, хотя незначительной по содержанію пьесѣ «Бѣсенокъ» Баратынскій поль-

зуются народными повѣрьями, какъ художественными аксессуарами для воспѣванія бѣсенка, къ чарамъ котораго прибѣгаетъ поэтъ въ трудныя минуты жизни. Эта вещьца къ сожалѣнiю до сихъ поръ совершенно игнорировалась, вслѣдствiе чего является необходимость привести ея полностью:

„Слыхалъ я, добрые друзья,
Что наши прадѣды въ печали
На помощь бѣса призывали:
Имъ подражаю въ этомъ я.
Но не пугайтесь: подружился
Я не съ проклятымъ сатаной,
Кому душою поклонился
За деньги старый Громобой;
Узнайте, ласковый бѣсенокъ
Меня младенцемъ навѣщаль
И колыбель мою качаль
Подъ шопоть легкыхъ побасенокъ.
Съ тѣхъ поръ я вышелъ изъ пеленокъ,
Между мужами возмужалъ,
Но для него еще ребенокъ.
Случится ль горе или бѣда,
Иль безотчетно иногда
Струснется мнѣ въ моей кокуркѣ,—
Махну рукой: по старинѣ
На сѣромъ волкѣ, сивкѣ-буркѣ
Онъ мигомъ явится ко мнѣ.
Больному духу здравьемъ свиснетъ,
Бобами думу разведетъ,
Живой водой веселье вспыснетъ,
А горе—мертвою залетъ.
Когда въ задумчивомъ совѣтѣ
Съ самимъ собой, изъ-за угла
Глажу на свѣтъ и, видя въ свѣтѣ
Свободу глупости и зла,
Добра и разума прижимку,
Наспьемъ сверженный законъ,
Я слабымъ сердцемъ возмущень:
Проворно шапку-невидимку
На шаръ земной набросить онъ;
Или, въ мгновенiе ренницы,
Чудесный коврикъ самолетъ
Онъ подо мною развернетъ,

И коврикъ тотъ въ сады жарь-птицы,
 Въ чертоги дивной царь-дѣвицы
 Меня по воздуху несеть.
 Прощай, владѣнье грустной были,
 Меня смущавшее досель:
 Я отъ твоей бездушной пыли
 Уже за тридевять земель.

По выдержанности тона, по яркости образовъ, по талантливой комбинаціи элементовъ, взятыхъ изъ русскихъ сказокъ и пѣсень, а также по оригинальности замысла и поэтической фантастикѣ отдѣлки это стихотвореніе заслуживаетъ высокой оцѣнки и можетъ стать на ряду съ лучшими произведеніями русской поэзіи въ народномъ духѣ.

Обширный отдѣлъ въ поэзіи Баратынскаго занимаютъ его описанія природы. Всѣ описанія природы у Баратынскаго окрашены субъективнымъ пессимистическимъ колоритомъ, сообщающимъ имъ лирический характеръ съ преобладаніемъ элегическихъ настроеній. Чисто описательныхъ картинъ природы у Баратынскаго мало. Поэтъ субъективистъ по преимуществу, Баратынский и здѣсь всегда выражаетъ свои обычные элегическія волненія и грустныя думы, которыя навѣваетъ на него созерцаніе красотъ природы. Баратынский идетъ и въ этой области своимъ путемъ, пользуется вполне оригинальными приѣмами для изображенія внѣшняго по отношенію къ поэту міра. Не очерчивая подробно ни наиболѣе характерныя, ни мелкія и не замѣчаемыя обычнымъ разсѣяннымъ взглядомъ, не улавливающимъ тонкихъ деталей—черты ландшафта, Баратынский изображаетъ преимущественно внутреннія чувства, которыя поднимаются въ немъ при взглядѣ на явленія природы. Поэта пессимиста привлекаютъ вызывающія грустныя созвучія въ душѣ черты русскаго пейзажа, и онъ останавливается на тѣхъ его сторонахъ, которыя гармонируетъ съ печальнымъ настроеніемъ, и у него именно хороши эти особенности. У Баратынскаго оригинальны картины природы, описываемыя широкою - размашистою кистью, крупными чертами, при отсутствіи мелкихъ подробностей. Въ этомъ характерная особенность пейзажей Баратынскаго и отличіе отъ описаній природы у Пушкина. Описанія Баратынскаго не поддаются передачѣ средствами родственныхъ поэзіи искусствъ, — ими

нельзя воспользоваться для живописи; ихъ трудно переложить на музыку, но они производятъ неотразимо-обаятельное впечатлѣніе. Эти картины чаще всего проникнуты элегическимъ настроеніемъ и дополняютъ поэтическое изображеніе внутреннихъ процессовъ мысли и грустныхъ чувствъ поэта—пессимиста. Особенно ярко выступаетъ эта разница въ описаніяхъ однихъ и тѣхъ же мотивахъ у Баратынскаго и Пушкина. Слѣдующими стихами изображаетъ Пушкинъ осень:

Октябрь ужъ наступилъ; ужъ роша отряхаетъ
Послѣдніе листы съ нагихъ своихъ вѣтвей;
Дохнулъ осенній хладъ, дорога промерзаетъ,
Журча еще бѣжитъ за мельницу ручей;
Но прудъ уже застылъ. Сосѣдъ мой поспѣшаетъ
Въ отбѣзжія поля съ охотою своею—
И страждутъ озими отъ бѣшенной забавы,
И будитъ лай собакъ уснувшія дубравы.—

Какое обиліе подробностей въ этомъ детальномъ изображеніи! Какъ будто передъ глазами Пушкина развертываются живыя картины природы. Можно опредѣленно сказать, что картина списана съ извѣстнаго уголка извѣстной мѣстности со всѣми ея реальными деталями. Баратынскій описываетъ осень совсѣмъ другими чертами, напоминающими послѣдними строками описаніе природы у англійскаго поэта Шелли его пьесѣ «Воспоминаніе»:

И вотъ сентябрь! Замедля свой восходъ
Сіянемъ хладнымъ солнце блещетъ,
И лучъ его въ зеркалѣ зыбкихъ водъ
Невѣрнымъ золотомъ трепещетъ.
Сѣдая мгла вѣется вверху холмовъ;
Росой затоплены равнины;
Желтѣетъ сѣнь кудрявая дубровъ,
И красея круглый листъ осины;
Умолкли птицъ живыя голоса,
Безмолвенъ лѣсъ, беззвучны небеса.

Черты осени у Баратынскаго схвачены вообще, безъ опредѣленія тонкихъ подробностей именно даннаго изображаемаго пейзажа,—нѣтъ деталей, обособляющихъ нарисованное поэтомъ изображеніе отъ обычныхъ представленій осени вообще. Въ картинѣ пе-

реданы самыя общія черты неопредѣленными расплывчатыми красками; но впечатлѣніе тѣмъ не менѣе вызывается глубокое. Въ послѣднихъ строкахъ передается субъективное элегическое настроеніе поэта. Контрастъ между настроеніемъ наблюдателя и безмолвіемъ лѣса и беззвучіемъ небесъ въ природѣ, очевидно, вызванъ бурной тревогой и неумолкаемой борьбой внутреннихъ волненій поэта, которыя слышатся сквозь тишь окружающаго безмолвья. Описаніе осени у Пушкина прерывается, чтобы сравненіемъ съ чахоточной дѣвой или описаніемъ воздѣйствія осенней «пышной природы увяданія» на поэтическія волненія мыслей или же сопоставленіемъ съ непріятными сторонами лѣта — дополнить «смирненную, тихую красоту» поздней русской осени. У Баратынскаго описаніе осени прерывается, чтобы дать выходъ «тоскѣ отъ безплоднаго созерцанія дебрей», вызывающихъ «смертельный стонъ», отъ «людскихъ безумствъ и лицемѣрій», выразить «негодованья крикъ» и «животворную скорбь» предъ «дерзкимъ легковѣріемъ людей, лелѣющихъ «позлащенные сны». Все вызываетъ «воплъ тоски великой» у поэта скорби и рефлексіи:

„Вотъ буйственно несется ураганъ,
И лѣсъ подьземлетъ говоръ шумный,
И пѣнится, и ходитъ океанъ,
И въ берегъ бьетъ волной безумной:
Тамъ иногда толпы лѣнивыи умъ
Изъ усыпленія выводятъ
Гласъ, пошлый гласъ, вѣщатель общихъ думъ
И звучный отзывъ въ ней находить.
Но не найдетъ отзыва тотъ глаголь,
Что страстное земное перешель“.

Особенно характерна послѣдняя строфа для Баратынскаго, какъ для пессимиста, утратившаго вѣру въ смыслъ и цѣну всего существующаго и научившагося презирать блага земного счастья, благодаря разочарованію въ «страстной земной» сферѣ, за границу которой всегда перелетаетъ его взоръ.

Это призваніе въ полетахъ мысли въ сверхчувственный міръ лучше всего характеризуетъ поэта—метафизика.

Также различны описанія весны у Пушкина и у Баратынскаго.

Гонимы вешними лучами,
Съ окрестныхъ горъ уже снѣга

Сбѣжали мушкетъми ручьями
На потопленные луга.
Улыбкой ясною природа
Сквозь сонъ встрѣчаетъ утро года:
Сияѣя блещутъ небеса.
Еще прозрачны, лѣса
Какъ будто пухомъ зеленѣютъ;
Пчела за данью полевой
Легитъ изъ кельи восковой;
Долины сохнутъ и пестрѣютъ;
Стада шумятъ, и соловей
Ужь пѣлъ въ безмолвіи ночей.

Пушкинъ описываетъ обновленіе природы, воспроизводя подробно, ярко и точно всѣ мельчайшія детали наблюдаемаго пейзажа. У Баратынскаго описанію весны посвящено стихотвореніе, дающее общую картину весны, въ которой пессимистъ радуется за тѣхъ, кто хоть на время найдетъ забвеніе отъ горькихъ скорбныхъ мыслей міровой дѣйствительности.

Весна, весна! какъ воздухъ чистъ!
Какъ ясенъ небосклонъ!
Своей лазурію живой
Слѣпнѣтъ мнѣ очи оны.
Зачѣмъ такъ радуешь ее
И солнце, и весна?
Липкуеть ли, какъ дочь стихій,
На ширѣ ихъ она?
Что нужды! счастливъ, кто на немъ
Забвенье мысли жетъ,
Кого далеко отъ нея
Она дивный унесетъ!

Это описаніе весны, полное искренняго лирическаго воодушевленія, рисуетъ лишь общія черты, производящія временное живительное настроеніе и мгновенный подъемъ духа у поэта, жаждущаго забвенія. Но сквозь восторгъ восклицаній еще сильнѣе сказывается грусть поэта, ищущаго забвенія мысли, которому «нѣтъ нужды» до красотъ природы. У Баратынскаго встрѣчаются описанія природы, которыя ни въ чемъ не уступаютъ лучшимъ описаніямъ корифеевъ русской поэзіи; но онѣ рѣдки, такъ какъ личные чувства заслоняютъ спокойное воспроизведеніе объективно реальной дѣйствительности.

„Я помню ясный, чистый прудъ
Подъ сѣною березъ вѣтвистыхъ;
Средь мирныхъ водъ его три острова цвѣтуть,
Свѣтлыя нивами межъ рощъ своихъ волнистыхъ.
За нимъ встаетъ гора, предъ нимъ въ кустахъ шумить
И брызжетъ мельница. Деревья, мѣръ широкій,
А тамъ счастливый домъ... туда душа летить.
Тамъ не кладѣль бы я и въ старости глубокой!“

Въ мелодичныхъ и нѣжныхъ стихахъ чувствуется, какъ глубоко понималъ и любилъ природу Баратынскій, какъ художественно изображалъ онъ унылую простоту, унылое однообразіе русскаго пейзажа, какъ проникался поэтъ родной картиной—но при этомъ всегда сообщалъ изображенію субъективный элементъ внутреннего раздвоенія, скорби и унынія.

Созерцаніе горныхъ красотъ сѣверной страны были для Баратынскаго источникомъ его поэтическихъ описаній Финляндіи. За картинами природы поэту — мыслителю нерѣдко чудятся событія прошлаго.

„По дряхлымъ скаламъ бродитъ взглядъ,
Пришлецъ исполненъ смутной думы:
Не міра ль давняго лежатъ
Предъ нимъ развалины урюмы.“

Та же нота недовольства міромъ звучитъ въ такихъ описаніяхъ природы, гдѣ роскошь страны, кажется, недопускаетъ желанія оторваться отъ чарующаго пейзажа.

Въ описаніе Итали въ поздній періодъ творчества Баратынскій влагаетъ искреннее элегическое олушевленіе. Поэтъ не довольствуется видимымъ и стремится улетѣть на золотыхъ крыльяхъ поэтической фантазіи въ область сверхчувственнаго міра, а на землѣ онъ не можетъ примириться ни съ жизнью, ни съ красотой природы.

И въ сей Итали, гдѣ все—каскады, розы,
Мелезы, тополи и даже эти лозы,
Чей безымянный листъ такъ преданно обликъ
Давно изъ Божества разжалованный ликъ,
Потомъ съ чела его повиснулъ полусонно:—
Все беззаботному дыханью благосклонно,
Ужиться ты не могъ, и, донна сладкій югъ,
Духъ предалъ строгому дыханью надихъ въюгъ;
Не сѣтуя о томъ, что за предѣлы міра
Онъ улетѣть бы могъ на крыліяхъ Зефира!

Въ описаніяхъ природы тоже «сплетеніе поэзіи съ метафизикой» составляетъ отличительную черту творчества Баратынскаго, какъ вѣрно и проникательно указалъ еще Пушкинъ. Составляя господствующій мотивъ лирики Баратынскаго, эта метафизика проникаетъ и его описанія природы несмотря на то, что здѣсь менѣе всего можно ожидать субъективныхъ элементовъ въ поэзіи. Въ ранній періодъ творчества Баратынскаго именовали «русскимъ Парни» и, дѣйствительно въ этотъ періодъ не мало имъ написано стихотвореній въ анакреонтическомъ родѣ. Подобный періодъ былъ, какъ извѣстно, у Пушкина, хотя съ лѣтами Пушкинъ становится все серьезнѣе, но этотъ тонъ не исчезаетъ однако совершенно изъ Пушкинской поэзіи. Баратынский въ «Пирахъ» слѣдующими чертами характеризуетъ Пушкина;

Ты, Пушкинъ нашъ, кому дано
Пѣть и героевъ, и вино,
И страсти молодости пылкой,
Дано съ проказливымъ умомъ
Быть сердца вѣрнымъ знакомъ
И лучшимъ гостемъ за бутылкой.

Этотъ періодъ былъ у Баратынскаго «пѣвца Пировъ», но скоро «томная грусть» овладѣла всецѣло поэтѣмъ, и его творчество въ зрѣлые годы не выходитъ за предѣлы заколдованнаго круга—пессимизма и рефлексіи. Въ анакреонтическомъ родѣ написано Баратынскимъ «Подражаніе Парни» и посланіе къ «Лидѣ»; въ этой пьесѣ соблюденъ классическій стиль и поэтъ удачно пользуется образами античной поэзіи:

Когда подъ звонкіе налѣвы,
Подъ звукъ свирѣли плясовой,
На муравѣ рука съ рукой
Кружатся юноши и дѣвы,
Вмѣшавшись въ рѣзвый хороводъ,
Хариты, вѣтренный Эротъ,
Дриады, Фавны пляшутъ съ ними
И гонятъ прочь толпу заботъ
Воскликновеньями своими.

Въ духѣ Парни написано и «Подражаніе Лафару». Въ концѣ этого стихотворенія звучитъ соблазнительная пѣснь беззаботности, которая не можетъ однако увлечь Баратынскаго.

Тогда съ улыбкою коварной
Предсталъ внезапно Купидонъ.
О чемъ вздыхаешь, молвилъ овъ,
О чемъ грустишь, неблагодарный!
Забудь печальныя мечты;
Я вѣчно юнъ, и я съ тобою!

Самымъ блестящимъ произведеніемъ во вкусѣ легкой, игривой, изящной поэзіи является длинное стихотвореніе Баратынскаго «Пиры», написанное легкими ямбами. Пушкинъ вспоминаетъ въ «Онѣгинѣ» объ этомъ стихотвореніи и называетъ Баратынскаго «Пѣвцомъ Пировъ». Отдѣльныя мѣста «Пировъ» повліяли на нѣкоторыя мѣста въ «Евгеніи Онѣгинѣ». Образы и краски, въ которые Пушкинъ облекъ нѣкоторыя описанія, обнаруживаютъ слѣды знакомства и вліяніе «Пировъ» Баратынскаго. Описаніе Москвы въ «Евгеніи Онѣгинѣ» напоминаетъ описаніе Москвы въ «Пирахъ». При чтеніи имени Татьяны до пріѣзда Ленскаго и Онѣгина вспоминается описаніе пира у Баратынскаго. Поэма «Пиры» написана ранѣе «Евгенія Онѣгина» и образы и отдѣльныя черты могли повліять при созданіи романа Пушкина. У Баратынскаго недолго продолжался періодъ подражанія Парни, періодъ мирнаго воспѣванія благъ и утѣхъ жизни. Мрачное настроеніе все болѣе овладѣваетъ имъ, и ядъ горькаго разочарованія отравляетъ всѣ радости жизни. Рефлексія и мучительный анализъ своимъ острымъ прикосновеніемъ губятъ сладкое чувство непосредственнаго бытія и мѣшаютъ отдаться наслажденію жизнью. Ошибочно думать, что это разочарованіе возникло у Баратынскаго подъ вліяніемъ Байрона. Баратынскій негодовалъ на Мицкевича за его подражаніе Байрону и былъ искреннимъ сторонникомъ самостоятельности въ поэзіи. Въ стихотвореніи «Прогонны жизни» Баратынскій оригинально и образно и въ короткихъ и сильныхъ стихахъ указываетъ на мимолетность счастья и непрочность скоропроходящихъ радостей жизни:

Въ дорогу жизни сваряжая
Своихъ сыновъ, безумцевъ насъ,
Сновъ золотыхъ судьба благая
Даетъ извѣстный намъ запасъ:
Насъ быстро годы почтовые
Съ корчмы довозятъ до корчмы,
И снами тѣми роковые
Прогонны жизни платимъ мы.

Въ періодъ болѣе ранній еще встрѣчаются стихотворенія въ анакреонтическомъ родѣ, какъ напр., красивая пьеска «Мой Элизей»; но чѣмъ далѣе, тѣмъ все рѣже становятся воспѣванія радостей бытія,—краски напѣвовъ все сгущаются, становятся мрачнѣй, пока, наконецъ, сѣрая безпросвѣтная дымка не застелетъ окончательно взоровъ поэта отъ свѣтлой стороны жизни. Кульминаціонная точка развитія таланта Баратынскаго, апогей его творчества совпадаетъ съ наивысшимъ развитіемъ его пессимизма. Мрачнымъ апофеозомъ поэзіи Баратынскаго является траурный гимнъ суровой богинѣ «Смерти», которой поэтъ въ порывѣ сумрачнаго вдохновенія слагаетъ похвальную оду:

Смерть дщерью тьмы не назову я
И, раболѣпною мечтой
Гробовый оловъ ей даруя,
Не ополчу ее косою
    О дочь верховнаго Эфира!
    О свѣтозарная краса!
    Въ рукѣ твоей олива мира,
    А не губящая коса.
.....

А человекъ! святая дѣва!
Передъ тобой съ его ланить
Мгновенно сходятъ пятна гѣва,
Жаръ любострастія бѣжить.
    Дружится праведной тобою
    Людей недружная судьба:
    Ласкаешь тою же рукою
    Ты властелина и раба.
Недоумѣнье, принужденье—
Условье смутныхъ нашихъ дней;
Ты всѣхъ загадокъ разрѣшенье,
Ты разрѣшенье всѣхъ цѣпей.

Пушкинымъ также овладѣвали минуты тоски и разочарованія. Но какая глубокая разница между мотивами унынія у Пушкина и горькими воплями отчаянія и безнадежности у Баратынскаго!

Безумныхъ лѣтъ угасшее веселье
Мнѣ тяжело какъ смутное похмѣлье;
Но какъ вино—печаль миновавшихъ дней
Въ моей душѣ чѣмъ старѣ, тѣмъ сильнѣй.

Мой путь уныль. Судить мнѣ трудъ и горе
Грядущаго волнующее море.

Но не хочу, о други, умирать!
Я жить хочу, чтобы мыслить и страдать;
И вѣдаю, мнѣ будутъ наслажденья
Межъ горестей, заботъ и тревоженья;
Порой опять гармоніей ушьюсь,
Надъ вымысломъ слезами обольюсь,
И, можетъ быть, на мой закатъ печальный
Блеснетъ любовь улыбкою прощальной.

Это стихотвореніе лучше всего указываетъ на разницу въ характерѣ творчества Пушкина и Баратынскаго. Уиругая натура богатыря новой русской поэзіи не могла долго предаваться скорби и въ этомъ сказался народный складъ характера Пушкина. Въ XVII вѣкѣ была распространена оригинальная русская повѣсть «Горе—Злосчастье», въ которой звучитъ основной мотивъ проникающій весь народный героическій эпосъ:

„А въ горѣ жить—не кручину быть
А кручину въ горѣ погнунти“.

Эта основная мысль свѣтлаго житейскаго народнаго міросозерцанія находитъ въ лицѣ Пушкина гениальнаго представителя въ новой литературѣ. Пушкинъ въ смерти не видитъ мрачнаго начала, онъ примиряется съ ней, благодаря его любви къ новому поколѣнію, выступающему на смѣну старому.

„Здравствуй, племя
Младое, незнакомое! Не я
Увижу твой могучій поздній возрастъ,
Когда перерастешь моихъ звакомцевъ,
И старую главу ихъ заслонишь
Отъ глазъ прохожаго“.

Или путемъ любви къ природѣ:

„И пусть у гробоваго входа
Младая будетъ жизнь играть
И равнодушная природа
Красою вѣчною сіять“.

Въ другомъ случаѣ Пушкинъ находитъ нравственное успокоеніе въ любви къ идеальному въ самой жизни, какъ напр., въ любимомъ

образъ его творчества въ образъ Татьяны, который онъ никогда не подвергалъ суду и образъ которой лелѣялъ въ своей душѣ.

Вспоминая образъ свято любимый и оставшійся неизвѣстнымъ оригиналь, Пушкинъ восълицаетъ:

„А ты, съ которой образованъ
Татьяны милой идеаль—
О много, много рокъ отъялъ!
Я такъ люблю
Татьяну милую свою“.

У Баратынскаго нѣтъ примирительныхъ пунктовъ съ жизнью. Неумолкаемая рефлексія и безграничный анализъ порождаютъ отчаяніе—найти въ жизни осуществленіе внутреннихъ запросовъ духа, слѣдствіемъ чего является бессильное уныніе. Скептетизмъ и сомнѣніе проявляются у Баратынскаго въ глубокомъ и гармоничномъ стихотвореніи «Истина» (эта пьеса вызвала уже при жизни, какъ выяснилъ профессоръ Кирпичниковъ въ статьѣ «о Коншинѣ», подражаніе у его товарища, начальника).

Въ стихотвореніи «Истина», исполненномъ глѣбокой мысли и философскаго одушевленія, поэтъ, выслушавъ обольстительную рѣчь «Истины», отстраняетъ ее, зова на свиданіе, когда будетъ умирать.

Я трепеталъ, словамъ ея вѣнумая,
И горестно въ отвѣтъ
Промолвилъ ей: „о гостя роковая!
Печалень твой привѣтъ!

—

„Свѣтильникъ твой—свѣтильникъ погребальной
Всѣхъ радостей земныхъ!
Твой миръ, увы! могилы миръ печальный
И страшенъ для живыхъ.

--

„Нѣтъ, я не твой! въ твоей наукѣ строгой
Я счастья не найду;
Покинь меня: кой-какъ моею дорогой
Одинъ я побреду.

—

„Прости! или вѣтъ: когда мое свѣтило
Во звѣздной вышинѣ
Начнетъ блѣднѣть, и все, что сердцу мило,
Забуть придется мнѣ.

„Явись тогда! раскрой тогда мнѣ очи,
Мой разумъ просвѣти:
Чтобъ жизнь презрѣвъ, я могъ въ обитель ночи
Безропотно сойти“.

Какъ страшна истина для поэта, который только въ торжественный моментъ смерти соглашается взглянуть на суровый и страшный обликъ, возбуждающій такую неугасимую скорбь отъ одного ея прикосновенія. Это—высшій пунктъ развитія пессимизма, который вмѣстѣ съ воспѣваніемъ смерти разрушаетъ реальность всякого блага въ мірѣ и въ его явленіяхъ.

Въ книгѣ «Міровая скорбь въ концѣ прошлаго и въ началѣ нашего вѣка» г. Котляревскій выясняетъ поэзію недовольства и печали или «какъ результатъ непосредственнаго столкновенія съ неизбѣжнымъ въ мірѣ страданіемъ, или какъ итогъ работы рефлектирующаго ума, всегда понижающаго цѣнность земного счастья, или, наконецъ, какъ неизбѣжное слѣдствіе того томленія по лучшей жизни, той неудовлетворенности, умственной или нравственной, которая, не имѣя предѣла, служитъ источникомъ, съ одной стороны, всѣхъ нашихъ наиболѣе интенсивныхъ душевныхъ страданій, съ другой— всѣхъ наиболѣе цѣнныхъ побѣдъ, одержанныхъ человѣкомъ надъ вредящими его счастью силами, и внѣшними и внутренними». (Н. Котляревскій, «Міровая скорбь» 1898 г., Спб.). IX., Въ русской литературѣ Баратынскій и является представителемъ міровой скорби.

Эта скорбь звучитъ въ пьесѣ «Недоносокъ», гдѣ Баратынскій скорбитъ о ничтожествѣ человѣка, брошеннаго между небомъ и землею, которому въ тягость просторъ самой вѣчности и котораго мало трогаетъ житейскія наслажденія и бѣдствія. Если придавать этому стихотворенію субъективное значеніе, то оно является выраженіемъ тоски и воплей поэта о слабости собственныхъ силъ. Но подобное біографическое объясненіе слишкомъ односторонне. Справедливѣе

понимать это стихотвореніе, какъ одно изъ частныхъ проявленій общаго пессимистическаго міросозерцаія, а не какъ мимолетное только проявленіе временнаго личнаго настроенія. Конецъ этого стихотворенія выражаетъ скорбь духа, неудовлетвореннаго земнымъ поприщемъ и промежуточнымъ положеніемъ между сферой безграничнаго и тѣсною землею обителью.

„Изнывающій тоской
Я мечусь въ поляхъ небесныхъ,
Надо мной и подо мной
Безпредѣльныхъ — скорби тѣсныхъ!
Въ тучу кроюсь я, и въ ней
Мчуся, чуждъ земного врал,
Страдный гласъ людскихъ скорбей,
Гласомъ бури заглушая.
Миръ я вижу какъ во мглѣ;
Арфъ небесныхъ отголосокъ
Слабо слышу... На землѣ
Оживилъ я недоносокъ“.

Къ области духовъ человѣкъ не принадлежитъ; его сковываютъ реальныя условія земнаго бытія, но предаться только послѣднему онъ не можетъ, такъ какъ въ немъ заложены духовныя порывы. Это промежуточное положеніе человѣка между земной и духовной сферой и является источникомъ разлада, дежаганга въ самой природѣ человѣка.

Въ противоположность мятежному тону этой философской пьесы, античнымъ спокойствіемъ дышетъ написанное торжественнымъ гекзаметромъ стихотвореніе «Мудрецу», тщетно ищущему покоя:

„Тщетно межъ бурною жизнью и хладною смертью, философъ,
Хочешь ты приставъ найти, имя даешь ей, покой,
Намъ изводемъ Зевеса броченнымъ въ миръ коловратный,
Жизнь для волненья дана: жизнь и волненье одно“.

Путь къ обрѣтенію покоя указанъ въ пьесѣ «Ахиллъ», гдѣ поэтъ сравниваетъ героя древности, обладающаго физическою силою, съ духовнымъ бойцомъ, новыхъ дней, который долженъ обладать вѣрою, дѣлающей уязвимую пятаю невредимой

Омовень ея водою,
Знай, страданью надъ собою
Волю полную ты дажь.
И одной пятой своею
Невредимъ ты, если ею
На живую вѣру сталь!

Но самъ поэтъ далекъ отъ этой вѣры; какъ вопль, вырываются изъ глубины духа безнадежныя строки гармоничныхъ чарующихъ риѣмъ:

„На что вы дни! Юдольный міръ явленья
Свой не измѣнить!
Всѣ вѣдомы, и только повторенья
Грядущее сулить.
Не даромъ ты металась и вилѣла,
Развитіемъ спѣша:
Свой подвигъ ты свершила прежде тѣла,
Безумная душа!“

Въ другомъ стихотвореніи «Къ чему невольнику мечтанія свободы» Баратынскій, обозрѣвая судьбу, посланную небеснымъ свѣтиламъ, рѣчнымъ водамъ, бродячему вѣтру, приходитъ къ выводу, что все идетъ назначеннымъ путемъ, и человѣкъ поэтому долженъ въ силу жестокаго рока смирить свои мечты. Стихотвореніе заканчивается тяжелымъ возгласамъ, вырывающимся изъ глубины сердца поэта:

„Безумецъ! не она ль, не выпня ли воля
Даруетъ страсти намъ?...
О, тягостна для насъ...
Жизнь, въ сердцѣ бьющая могучею волною,
И въ грани узкия втѣсенная судьбою“.

Та же грустная, непримиримая мелодія звучитъ и въ анакреонтическихъ стихахъ: «Алквиадъ», написанномъ строгимъ гекзаметромъ. Въ этомъ стихотвореніи Баратынскій оплакиваетъ ограниченность человѣческой природы, всѣ совершенства которой не удовлетворяютъ глубокихъ запросовъ духа.

„Юный красавецъ сидѣлъ горделиво задумчивъ и, смѣхомъ
Горькимъ смѣясь, на него мужи казали перстомъ;
Дѣвы, тайно любуясь челомъ благородно-открытымъ,

Нехота взоръ отвоя, хмуриди брови свои.
Онъ же и глухъ былъ, и слѣпъ; онъ не въ мѣди глядась, а въ градущемъ,
Думаль: къ лицу ли ему будетъ лавровый вѣнокъ?“

Миръ, по словамъ Гейне, представляется или очаровательной красавицей или безобразной вѣдьмой, смотря по тому, черезъ розовые или черные очки смотреть наблюдатель. Баратынский смотрѣлъ черезъ такія стекла, которыя омрачали всѣ его представленія, окутывая ихъ непроницаемымъ траурнымъ мракомъ.

Въ стихотвореніяхъ Баратынскаго кромѣ общихъ взглядовъ на миръ, (какъ напр. въ космическомъ очертаніи «Послѣдней смерти»), на человѣка и на себя отражаются его взгляды на любовь и на счастье, связанное съ чувствомъ любви. Но и въ этихъ мотивахъ звучитъ всегда горькая нота и преобладаютъ печальныя и унылыя мелодіи. Въ стихотвореніи «Онъ и она» Баратынский выражаетъ свой пессимистическій взглядъ на чувства и на недолговѣчность счастья.

„Ты грустной мыслію меня
Смутила. Такъ! сегодня зрѣнье
Плѣняетъ свѣтъ веселый дня,
Плѣняетъ Божіе творенье;
Теперь въ рукъ моей твою
Я съ чувствомъ пламеннымъ сжимаю,
Твой вѣжннй взоръ я понимаю,
Твой сладкій голосъ узнаю...
А завтра... завтра... какъ ужасно!
Мертвецъ незрящій и глухой,
Мертвецъ холодный!.. Лучъ дневной
Въ глаза ударить мнѣ напрасно;
Вотще къ устамъ моимъ прельнешь
Ты воспаленными устами,
Ко мнѣ съ обильными слезами,
Съ рыданьемъ горькимъ воззовешь!
Я не проснусь! И что мы знаемъ?
Не только завтра, сей же часъ
Меня не будетъ! Кто изъ насъ
Въ земномъ блаженствѣ не смущаемъ
Такою думой?“

Баратынский вездѣ высказываетъ безотрадно тяжелую мысль, что въ «любви мы пьемъ отраву сладкую», «забаву легкую, минутное

забвенью». Поэт пессимистъ срываетъ обольстительную маску со всего прекраснаго, и мыслями о горькомъ будущемъ разрушаетъ красивыя и пріятныя, но обманчивыя иллюзіи и очарованія жизни. Какого бы вопроса не касался поэтъ, Гамлетовская рефлексія мѣшаетъ ему отдаться непосредственнымъ впечатлѣніямъ и губить радостное свѣтлое чувство, какъ вѣтеръ, налетѣвшій на гладкую поверхность озера уничтожаетъ всѣ красивыя отраженія предметовъ, вызывая зыбь волнующейся стихіи.

Пушкинъ въ «Каменномъ Гостѣ» между прочимъ затрогиваетъ вопросъ о непрочности прекраснаго и быстромъ увяданіи красоты. Мрачный Донъ Карлосъ въ отсутствіи Донъ Жуана оставленъ Лаурой послѣ ухода гостей. Угрюмый скептикъ напоминаетъ восемнадцатилѣтней красавицѣ объ ожидающемъ ее тяжеломъ будущемъ, но Лаура въ своемъ отвѣтѣ, выражаетъ взглядъ Пушкина, умѣющаго найти утѣшеніе во всемъ въ жизни и свѣтлую сторону настоящаго не омрачать ненужными сомнѣніями.

Донъ Карлосъ: Ты молода и будешь молода

Еще лѣтъ пять или шесть. Вокругъ тебя
Еще лѣтъ шесть они толпятся будутъ,
Тебя ласкать, лелѣять и дарить,
И серенадамъ ночными тѣшить,
Изъ-за тебя другъ друга убивать
На перекресткахъ ночью. Но когда
Пора пройдетъ, когда твои глаза
Впадутъ, и вѣки, сморщась, почеркнютъ,
И сѣдина въ косѣ твоей мелькнетъ,
И будутъ называть тебя старухой,
Тогда—что скажешь ты?

Лаура: Тогда... Зачѣмъ

Объ этомъ думать? Что за разговоръ?
Иль у тебя всегда такія мысли?
Приди—отерой балконъ. Какъ небо тихо!
Недвижимъ теплый воздухъ: ночь лимонномъ
И лавромъ пахнетъ; яркая луна
Блеститъ на синевѣ густой и темной,
И сторожа кричатъ протяжно, ясно!..
А далеко, на сѣверѣ—въ Парижѣ—
Быть можетъ, небо тучами покрыто
Холодный дождь идетъ и вѣтеръ дуетъ.
А намъ какое дѣло“?

Баратынского не примиряютъ тѣ беззаботные доводы, которыми живетъ испанская красавица и которымъ сочувствуетъ жизнерадостная и свѣтлая натура Пушкина. Въ антологическомъ стихотвореніи «къ Деліи» Баратынскій, описавъ яркими красками очарованіе страстной прелестницы, разрушаетъ ея чары и покой ея души непреклонными угрозами, рисуя передъ ней въ зловѣщихъ краскахъ всю бездну мрачнаго будущаго.

Придется вѣкогда извѣдать и тебѣ
Очарованье роковое!
Не опасаяся насмѣшливыхъ сѣтей,
Быть можешь, избранный тобою
Уже не ввѣрится огню любви твоей,
Не тронется ея тоскою.
Когда-жъ пора придетъ, и розы красоты,
Вседневно свѣжестью бѣдѣя,
Погибнуть, отвѣчай: къ чему прибѣгнешь ты?
Къ чему, безчарная Цирцея?
Искусствомъ округлишь ты высохшую грудь,
Худыя щеки зарумянишь,
Дитя крылатое захочешь какъ-нибудь
Вновь приманить... но не приманишь!
Взамѣну снова молодыхъ тебѣ не обрѣсти
Покоя, позднихъ лѣтъ отрады:
Куда бы ни пошла, взроются на пути
Самолюбивыя досады“!

Безнадежный взглядъ поэта во всемъ стремится разрушить иллюзію и обманъ, окружающій его въ жизни.

Пушкинъ въ своей эстетической, вѣчно жаждущей обольстительно-прекраснаго натурѣ могъ считать, что:

„Тьмы низкихъ истинъ мнѣ дороже
Насъ возвышающій обманъ“.

Но философъ-поэтъ Баратынскій не останавливался надъ феноменами дѣйствительности, довольствуясь одними видимыми сторонами явленій. Съ мефистофилевскою безпощадностью, съ безжалостнымъ отчаяніемъ разочарованнаго и ничего не ожидающаго отъ міра и дѣйствительности человѣка, Баратынскій въ лирическомъ творествѣ приподнимаетъ завѣсу со всего и во всемъ указываетъ провію судьбы, насмѣшку жизни надъ требованіями неудовлетвореннаго и вѣчно

алчущаго правды и истиннаго счастья души. Поэтъ тоскуеть о неразрѣшимости на землѣ проблемы истиннаго блага.

„Но скорбный духъ не уврачеванъ,
Душѣ стѣсненной тяжело,
И неутѣшно мы рыдаемъ.
Такъ сердца нашего кумиръ
Ее печально провожаемъ
Мы въ лучший край и лучший мѣръ“.

Въ этомъ стихотвореніи поэтъ завидуеть судьбѣ Волконской, которая обрѣла счастье покинуть безпріютный свѣтъ, гдѣ

„И атмосферу и умы
Сжимають холодъ одинокій,
Гдѣ жизнь—какой-то тяжелой сонъ“.

Мрачный полеть скорбной мысли Баратынскаго стремится къ освобожденію отъ узъ жизни, и въ этомъ освобожденіи поэтъ видитъ завѣтное эльдорадо, и въ сверхчувственномъ мѣрѣ надѣется найти разрѣшеніе вѣчно загадочной для поэта неразрѣшимой проблемы истиннаго бытія и абсолютнаго совершенства, котораго тщетно ищетъ поэтъ-метафизикъ на землѣ.

Въ поэмахъ Баратынскаго просачивается тотъ же пессимизмъ. Всѣ поэмы оканчиваются фатальною смертью. Жизнь не приноситъ радостей героямъ поэмъ. На поэмахъ Баратынскаго отразился байронизмъ, но прошедшій сквозь призму Пушкинскаго творчества. Проф. Н. И. Стороженко въ статьѣ «О Вліяніи Байрона на Европейскія литературы» слѣдующими рельефными штрихами очерчиваетъ русскій байронизмъ. «Нашъ байронизмъ есть явленіе своеобразное, во многомъ отступающее отъ своего источника. И у насъ, какъ и на Западѣ Европы, къ поэзіи привились далеко не всѣ составные элементы байронизма. Политико-соціальная основа поэзіи Байрона, не имѣвшая корней въ самой жизни, была у насъ понята весьма немногими и оставила мало слѣдовъ въ литературѣ; байроновскій индивидуализмъ, апоэеозъ личности въ борьбѣ ея съ обществомъ, превратился у насъ въ обожаніе собственной личности и презрительное отношеніе ко всякой чужой; перенесенное на русскую почву байроновское разочарованіе совершенно лишилось своего трагическаго характера и было понята весьма односторонне, какъ слѣд-

ствіе жизненнаго пресыщенія. Видоизмѣненный такимъ образомъ, байронизмъ оказалъ немалое вліяніе не только на поэзію, но и на нравы нашей интеллигентной молодежи двадцатыхъ и тридцатыхъ годовъ. Москвичи въ Гарольдовыхъ плащахъ,—какъ ихъ мѣтко окрестилъ Пушкинъ,—вдругъ ни съ того, ни съ сего почувствовали непонятное презрѣніе къ обществу, ни въ чемъ передъ нимъ неповинному; непризнанныя натуры стали относиться пренебрежительно къ общественной нравственности и освященнымъ вѣками обычаямъ и считали такое отношеніе признакомъ высшей породы».

Черты байроновскаго героя характеризуетъ и главное дѣйствующее лицо всѣхъ поэмъ Баратынскаго. Содержаніе этихъ поэмъ очень просто, но не жизненно, характеры очерчены довольно блѣдно, и дѣйствіе вытекаетъ не изъ характеровъ, а по пессимистическому предначертанію поэта. Въ «Эдѣ» Баратынскій описываетъ, какъ русскій гусарь погубилъ молодую чухонку Эду, соблазнивъ ее. Въ концѣ поэмы Эда умираетъ съ отчаянія, которое вызвано тѣмъ обстоятельствомъ, что ее бросилъ герой поэмы.

Пушкину нравилась поэма «Эда»; въ статьѣ о Баратынскомъ онъ пишетъ: «Появленіе «Эды», произведенія столь замѣчательнаго оригинальною своею простотою, прелестью разсказа, живостью красокъ и очеркомъ характеровъ, слегка, но мастерски означенныхъ... Прочтите его «Эду», прочтите сію краткую восхитительную повѣсть: съ какою глубиною чувствъ развита въ ней женская любовь! Посмотрите на «Эду» послѣ перваго поцѣлуя предприимчиваго любовника. Она любитъ, какъ дитя, радуется его подаркамъ, рѣзвится съ нимъ; но время идетъ: Эда уже не ребенокъ... Какая роскошная черта, какъ весь отрывокъ исполненъ нѣги!» Въ «Евгеніи Онѣгинѣ» Пушкинъ говоритъ, что ему чухонка Эда милѣе байроновскихъ гречанокъ. Въ письмахъ Пушкинъ высказываетъ опасеніе, чтобы чухонка Баратынскаго не затмила его черкешенку. Эти опасенія были совершенно напрасны. На «Эдѣ» Баратынскаго едва ли не сказалось вліяніе «Кавказскаго плѣнника», отчасти и въ характеристикѣ иноземнаго героя, и въ нѣжномъ отношеніи къ нему туземной дѣвы и въ романтическомъ колоритѣ поэмы Пушкина. «Эда» Баратынскаго гораздо слабѣе «Кавказскаго Плѣнника». Байронизмъ въ «Эдѣ» является слабымъ отраженіемъ Пушкинскаго байронизма.

Въ другой поэмѣ Баратынскаго «Баль» выведенъ интересный женскій характеръ «Нины», ищущей человѣка въ истинномъ смыслѣ слова и послѣ долгихъ разочарованій встрѣчающей героя поэмы Арсенія. Нина привязывается къ нему, но ошибается въ его чувствахъ и въ концѣ поэмы отравляется. Въ поэмѣ «Баль» замѣтно вліяніе первыхъ главъ «Евгенія Онѣгина». Пушкинъ, по свойственному ему чувству справедливости и снисходительности при оцѣнкѣ чужихъ произведеній, восхищался слабой, сравнительно съ его произведеніями, поэмой Баратынскаго. «Это блестящее произведеніе, пишетъ Пушкинъ о поэмѣ «Баль», исполнено оригинальныхъ красотъ и прелести необыкновенной. Поэтъ съ удивительнымъ искусствомъ соединилъ въ своемъ рассказѣ тонъ шуточный и страстный, метафизику и поэзію. Характеръ героини совершенно новый, развитый сопомоге, широко и съ удивительнымъ искусствомъ; для него поэтъ нашъ создалъ совершенно новый языкъ и выразилъ на немъ всѣ оттѣнки своей метафизики; для него расточилъ онъ всю элегическую нѣгу, всю прелесть своей поэзіи». Въ Нинѣ можно угадать будущій типъ въ русской литературѣ—типъ эмансипированной женщины.

Послѣдняя поэма Баратынскаго «Цыгане» носитъ на себѣ вліяніе отчасти «Бахчисарайскаго Фонтана» Пушкина, а отчасти его «Цыгань». Героиня поэмы Баратынскаго Сара, узнавъ объ увлеченіи своего возлюбленнаго, который рѣшилъ жениться на русской интеллигентной барышнѣ Вѣрѣ и собирался тайно увезти ее, достаетъ зелье у старухи цыганки, чтобы вновь приворожить къ себѣ Елецкаго. Баратынскій любитъ кончать поэмы смертью: зелье оказывается ядомъ, отъ котораго умираетъ Елецкій; Сара въ тоскѣ и отчаяніи возвращается къ цыганамъ. Конецъ поэмы, приурочиваясь къ содержанию начала не въ силу законовъ необходимости, не какъ результатъ обстоятельствъ, а внезапно, ничѣмъ не мотивированною случайностью, совершенно нарушаетъ художественную ея цѣльность и правдивость. Недостатки поэмъ Баратынскаго слишкомъ очевидны въ настоящее время — блѣдность содержания, отсутствіе мотивовъ въ дѣйствіяхъ, вытекающихъ не изъ чертъ характеровъ, а въ силу фатальной случайности, растянутасть дѣлаютъ ихъ совершенно лишеными интереса и эстетическаго значенія. Однако эти поэмы имѣютъ крупное историко-литературное значеніе. Вліяніе Пушкина, байронизмъ второго періода и то литературное теченіе;

которое известно под именем романтизма сильно отражается въ этихъ поемахъ.

Баронъ А. А. Дельвигъ въ письмѣ отъ 10 сентября 1824 г. къ Пушкину опредѣляетъ Баратынскаго, какъ романтика; изъ этого же письма видно, что Баратынскій самъ называлъ свои поэмы романтическими.

Въ письмѣ Е. А. Баратынскаго къ И. В. Кирѣевскому, напечатанномъ въ Татевскомъ Сборникѣ 1899 г. поэтъ пишетъ: «По приложеннымъ стихамъ ты увидишь, что у меня новая поэма въ пьесахъ, и поэма ультра-романтическая».

«Баратынскій, — пишетъ Дельвигъ, — недавно познакомился съ романтиками, а правила французской школы всосалъ съ материнскимъ молокомъ. Но ужъ онъ начинаетъ отставать отъ нихъ. На дняхъ пишетъ, что у него готово полторы пѣсни какой-то романтической поэмы».

Романтизмъ въ широкомъ смыслѣ слова проникаетъ и лирику Баратынскаго. Проф. О. Е. Коршъ въ рѣчи 12 января 1899 года «Римская элегія и романтизмъ» даетъ разъясненіе этому наиболѣе неопредѣленному теченію въ литературѣ:

«Человѣкъ если не имѣетъ центра духовной жизни, общаго со своими товарищами по государству, родичами и т. д. ищетъ центра личнаго. Плодомъ исканія идеала на свой страхъ является такъ называемый романтизмъ...»

«Самая тоска, стремленіе, чаяніе есть необходимая черта романтизма...»

«Большая или меньшая ясность объекта тоски зависитъ какъ отъ его свойства, такъ и отъ степени приближенія къ нему. Этотъ признакъ, по словамъ проф. Корша, не существенъ.»

«Романтикъ, говоритъ далѣе проф. Коршъ, предполагая возможность воплощенія идеала въ созданіи, тѣмъ самымъ, какъ выражались схоластики, *implicite* допускаетъ и возможность воплощенія идеала или, говоря иначе, божества въ мірѣ явленій вообще».

Эти основныя черты романтизма отразились вполнѣ въ лирикѣ Баратынскаго и особенно въ его поемахъ. Поэтому, вопреки общепринятому мнѣнію, должно признать Баратынскаго романтикомъ. Это признаніе основывается, слѣдовательно, на трехъ аргументахъ — во первыхъ, на присутствіи въ поэзи Баратынскаго всѣхъ свойствъ,

которыми отличается истинный романтизмъ въ широкомъ смыслѣ слова; во-вторыхъ, на признаніи Баратынскаго романтикомъ въ письмѣ А. А. Дельвига и наименованіи самимъ Баратынскимъ своей поэмы романтической; въ-третьихъ, на признаніи Пушкинымъ за Баратынскимъ мѣста вслѣдъ за Жуковскимъ.

Въ лирикѣ Баратынскаго нѣтъ ничего чудовищнаго, страшнаго, очень мало чудеснаго и фантастическаго и есть очень значительные признаки туманнаго и неуловимаго.

«Если, говоритъ профессоръ Э. Е. Коршъ, мы согласимся называть романтизмъ то, что подъ этимъ названіемъ разумѣли Гёте, братья Шлегели, Уландъ, Рюккертъ, Платенъ и другіе новые представители этого направленія, хотя они и не вполне формулировали его, — то для опредѣленія романтизма мы должны вывести общее изъ элементовъ, вошедшихъ въ составъ той литературной школы, поборникомъ которой, но одностороннимъ, былъ у насъ Жуковской. Онъ виновникъ того, что у многихъ изъ насъ съ понятіемъ романтизма связывается представленіе чего-то туманнаго, неуловимаго и вмѣстѣ страшнаго».

Въ поэзіи Баратынскаго встрѣчаются черты своевольной фантазіи, но не столь туманные и неопредѣленные, какъ у Жуковскаго.

Поэта посѣщаетъ Фея въ «обаяніи сна», которой онъ сообщаетъ мечты «обманутой души». Но полетъ фантазіи Баратынскаго не достигаетъ заоблачныхъ высотъ крайнихъ романтиковъ.

Поэтъ скорбитъ объ этомъ:

„Знать, самымъ духомъ мы рабы
Земной насмѣшливой судьбы;
Знать, міру явному дотолѣ
Нашъ бѣдный умъ поработевъ,
Что переносить, поневолѣ,
И въ мірѣ мечты его завонъ“!

Въ другомъ стихотвореніи Баратынскій говоритъ, что онъ пьетъ изъ волшебной чаши «золотые призраки», «золотыя сновидѣнья».

Или, что предъ нимъ проходятъ явленія изъ міра его фантазіи:

„Сыны души моей больной,
Сыны полуночнаго бдѣнья—
Кругомъ неясною толпой
Мелькали смутныя видѣнья“.

Въ поэзіи Баратынскаго наблюдается и та черта, — «недовольство настоящимъ, вълѣдствіе Донкихотескихъ стремленій воскресить давно отжившія идеи».

Въ стихотвореніи «Послѣдняя смерть» Баратынский пишетъ:

„Сначала міръ явилъ мнѣ дивный садъ:
Вездѣ искусствъ, обилія примѣты:
Близъ веси-весы и подлѣ града градъ,
Вездѣ дворцы, театры, водометы,
Вездѣ народъ, и хитрый свой законъ
Стихія всѣ признать заставилъ оны:
Ужь оны морей мятежныя пучины
На островахъ искусственныхъ селили,
Ужь разсѣкала небесныя равнины
По прихотямъ вымышленныхъ криль;
Все на землѣ движеніемъ дышало,
Все на землѣ какъ будто линовало.

* * *

Прошли вѣка. Яснѣтъ очамъ моимъ
Видѣніе другое начинало;
Что человекъ? Что вновь открыто имъ?
Я гордо мнилъ, и что же мнѣ предстало?
Наставшую эпоху я съ трудомъ
Постигнуть могъ смѣтившимся умомъ.
Глаза мои людей не узнавали;
Привышіе къ обилію дѣльныхъ благъ,
На все они спокойныя взирали,
Что суеты рождало въ ихъ отпахъ,
Что мысли ихъ, что страсти ихъ, бывало
Влеченіемъ всеильнымъ увлекало“.

Отъ пассивнаго разочарованія и безсильнаго унынія Баратынский переходитъ къ враждебнымъ чувствамъ противъ культуры и нападкамъ на тѣневныя стороны цивилизаціи и прогресса:

Пока человекъ естества не питалъ
Горниломъ, всами и мѣрой,
Но дѣтски въщаньемъ природы внималъ,
Ловилъ ея знаменья съ вѣрой;
Покуда природу любилъ оны, она
Любовью ему отвѣчала:
О немъ дружелюбной заботы полна,

Языкъ для него обрѣтала,
 Почуя бѣду надъ его головой,
 Вранъ каркалъ ему въ опасенье,
 И замысла, въ пору смирясь передъ судьбой,
 Воздерживалъ онъ дерзновенье.
 На пугъ ему выбѣжавъ изъ лѣсу, волкъ,
 Крутясь и подъявля щетину,
 Побѣду пророчилъ, и смѣло свой полкъ
 Бросалъ онъ на вражью дружину.
 Чета голубиная, вѣя надъ нимъ,
 Блаженство любви прорицала,
 Въ пустынѣ безлюдной онъ не былъ однимъ:
 Нечуждая жизнь въ ней дышала.
 Но чувство презрѣвъ, онъ довѣрилъ уму,
 Вдался въ суету изысканій,
 И сердце природы закрылось ему,
 И нѣтъ на землѣ прорицавйй.

Бѣлинскій, восхищаясь этими «гармоническими, полными души и чувства», стихами, считалъ невозможнымъ, хоть на минуту, стать на точку зрѣнія мыслителя-романтика, стремящаго уничтожить благотворное начало науки, ища философскаго единства, составляющаго, по его мнѣнью, цѣль поэзіи. Эти нападки и сожалѣнія о разрушеніи поэзіи младенческой поры человѣчества такъ понятны въ романтическомъ творчествѣ поэта-пессимиста.

Если поэтъ-реалистъ, Пушкинъ могъ въ минуты элегическихъ настроеній завидовать «блаженству невѣдѣнія, покою сердечной нѣги души неостуденной опытомъ», и горестный поэтъ протестующей тоски Лермонтовъ могъ негодовать на поколѣніе, которое «изсушило умъ наукою безплодной», то—какъ понятна и законна грусть о золотой порѣ невѣдѣнія у Баратынскаго, тщетно стремящагося отдохнуть душою въ картинахъ, гдѣ отсутствуетъ невыносимо тяжелая для него дѣйствительность. Въ сферѣ пессимистической скорби—оригинальная стихія поэзіи Баратынскаго, въ направленіи ея много романтическихъ элементовъ.

Удаляясь отъ дѣйствительности, затмѣваемый блестящей славой Пушкина, подвергаемый осужденію Бѣлинскимъ—поэтъ-пессимистъ пользовался слабою извѣстностью среди современниковъ и былъ совершенно забытъ въ ближайшіе слѣдующіе годы. Утилитарное и

общественное направлѣніе въ поэзіи, гармонизировавшее съ социальными требованіями эпохи великихъ реформъ, было неблагопріятно для поэзіи Баратынскаго.

Чудный градъ порой сольется
Изъ летучихъ облаковъ;
Но лишь вѣтръ его коснется,
Онъ исчезнетъ безъ слѣдовъ;
Такъ мгновенныя созданья
Поэтической мечты
Исчезаютъ, отъ дыханья
Посторонней суеты.

Баратынскій всегда на міръ и его явленія смотрѣлъ съ выси запросовъ духа и считалъ утилитарныя требованія къ искусству непригодными для своей поэзіи.

Въ настоящее время вновь возродился интересъ къ его поэзіи вмѣстѣ съ живымъ интересомъ къ философскому направленію поэзіи вообще.

По прошествіи вѣка со дня рожденія Баратынскаго не трудно указать на недостатки его художественной формы, вытекающіе изъ самаго характера поэзіи. Неясность образовъ и несовершенство словесныхъ выраженій находятся въ причинной связи съ туманнымъ содержаніемъ его романтической лиры. Однако, несмотря на эти недостатки, относящійся къ нему строго Бѣлинскій призналъ его «первымъ изъ всѣхъ поэтовъ, появившихся вмѣстѣ съ Пушкинымъ».

Въ метафизической поэзіи Баратынскаго поражаетъ его глубокая и односторонняя субъективность и отрицательный характеръ его міросозерцанія. Это является слѣдствіемъ безграничныхъ требованій его духа, который не удовлетворяется «отголосками небесныхъ арфъ», которому въ тягость и «просторъ и роскошь вѣчности». Взлетая мыслью до безпредѣльныхъ высотъ Эмпирея, поэтъ-метафизикъ изнываетъ тоской въ «небесныхъ поляхъ» о ничтожности собственнаго бытія. Мыслитель-поэтъ не можетъ освободиться отъ мучительныхъ запросовъ духа и скорбитъ о своемъ тяжеломъ состояніи между небеснымъ и земнымъ. Отсюда романтической строй его лиры, въ этомъ психологическій источникъ его всепроникающаго и безутѣшнаго пессимизма — оригинальная стихія творчества поэта «высокихъ думъ».

Тщетное стремленіе Баратынскаго найти источникъ истиннаго блага бытія — мысль, съ которою онъ никакъ не могъ поладить или покончить, которая, начиная съ юности, тревожила поэта до самой смерти—была причиной неопредѣленной, безпредметной тоски, тоски о недостижимомъ. Въ этомъ причина туманныхъ чаяній романтическаго поэта русскою міровой скорби. Въ этомъ же разгадка неопредѣленности настроеній у Баратынскаго и недосказанности его міросозерцанія. Если унылый стихъ Баратынскаго не заключаетъ въ себѣ ни энергической мощи и металлическаго блеска желѣзнаго стиха «облитаго горечью и злостью» Лермонтова, ни изящной, чарующей простоты гармоничнаго стиха волшебной музы Пушкина, то у Баратынскаго есть оригинальная прелесть въ формѣ его поэзіи—умѣнье ясно и точно въ неувимыхъ и тонкихъ очертаніяхъ и летучихъ образахъ передавать съ искреннимъ энтузіазмомъ сокровенные стоны души и бесконечно-грустные размышленія печально настроенной, неутомимо мятущейся мысли. Въ этомъ именно оригинальность Баратынскаго.

Результатомъ анализа поэтическаго творчества Баратынскаго является выводъ, что талантъ поэта все прогрессировалъ и въ своемъ развитіи прошелъ нѣсколько стадій. Эти стадіи творчества вмѣстѣ съ тѣмъ являются фазами развитія духовной личности Баратынскаго.

На зарѣ своихъ дней поэтъ воспѣваетъ утѣхи и радости жизни. Въ его поэзіи отражаются анакреонтические мотивы въ духѣ Парни. Но уже съ изданіемъ первыхъ двухъ частей «Стихотвореній» въ 1835 году этотъ періодъ можно назвать завершившимся, такъ какъ въ слѣдующемъ сборникѣ, носящемъ характерное названіе «Сумерки», почти нѣтъ анакреонтическихъ напѣвовъ безмятежной юности. Напротивъ, второй сборникъ Баратынскаго исполненъ мрачнаго настроенія, является развитіемъ пессимистическаго міросозерцанія, заключающаго въ себѣ основныя черты пантеизма. Новое теченіе проявляется съ одной стороны въ пьесѣ «Смерть», не имѣющей во всей всемірной литературѣ равнаго по глубинѣ пессимизма образца, съ другой стороны въ стихотвореніи «на смерть Гёте», въ которомъ отразилось пантеистическое міросозерцаніе самого Баратынскаго. Завершаясь 1842 годомъ, это теченіе нельзя однако считать вполне законченнымъ. Черты пессимизма проявляются и въ послѣднемъ періодѣ, хотя новая струя — отрѣшеніе отъ дѣйствительности и стре-

мленіе въ сверхчувственный міръ составляетъ отличительную черту послѣдней фазы творчества поэта.

Князь Александръ Ивановичъ Одоевскій въ элегической пьесѣ «Послѣдняя надежда», посвященной Е. А. Баратынскому, скорбя о томъ, «что улетѣлъ лучезарный хороводъ надеждъ» съ довѣріемъ вспоминаетъ «неолетнаго друга», который остался одинъ, какъ залогъ надежды. Одоевскій заканчиваетъ свою элегію мыслью, что:

„Присягнута и другія
И зажгутъ лучомъ своимъ
Думъ высокихъ вдохновеніе“.

(Русскій Архивъ 1873, т. I).

Въ письмѣ Баратынскаго къ Пушкину въ 1826 году, отражается то уваженіе и любовь къ философіи, которая все крѣпла съ годами и которая становится основою поэзіи всего послѣдняго періода.

«Посылаю тебѣ Уранію, мѣлкій Пушкинъ! не велико сокровище; но блаженъ, кто и малымъ доволенъ. Намъ очень нужна философія. Однакожь, позволь тебѣ указать на пьесу подъ заглавіемъ: Я есмь.— Сочинитель-мальчикъ лѣтъ восемнадцати *) и, кажется, подаетъ надежду. Слогъ не всегда точенъ, но есть поэзія, особенно сначала. На концѣ метафизика, слишкомъ темная для стиховъ. Надо тебѣ сказать, что московская молодежь помѣшана на трансцендентальной философіи. Не знаю, хорошо ли это или худо: я не читалъ Канта и, признаюсь, не слишкомъ понимаю новѣйшихъ эстетиковъ. Галичъ выдалъ питику на нѣмецкій ладъ. Въ ней поновлены откровенія Платоновы и съ нѣкоторыми прибавленіями приведены въ систему. Не зная нѣмецкаго языка, я очень обрадовался случаю познакомиться съ нѣмецкой эстетикой. Нравится въ ней собственная ея поэзія, но начала ея, мнѣ кажется, можно опровергнуть философически.—Впрочемъ какое о томъ дѣло—особливо тебѣ.—Твори прекрасное, и пусть другіе ломаютъ надъ нимъ голову». Въ этомъ письмѣ сказывается философское развитіе и серьезные интересы поэта-мыслителя.

Съ 1842 года и до 1844 года можно отмѣтить молитвенное настроеніе въ лирикѣ Баратынскаго: въ эти годы замѣчается временное успокоеніе духа поэта.

*) С. П. Шевыревъ.

Два стихотворения «На постьвъ въ лѣта» и «Молитва» очень характерны для опредѣленія настроенія поэта въ эти годы. Въ первомъ Баратынскій пишетъ:

„Великъ Господь! Онъ милосердь, но правъ.
Нѣтъ на землѣ ничтожнаго мгновенья.
Прощаетъ онъ безуміе забавъ,
Но никогда пирамъ-злоумышленіе“.

«Молитва», относящаяся къ 1843 году. Она коротко и тепло написана:

„Царь небесъ! Успокой
Духъ болѣзненный мой!
Заблужденій земли
Мнѣ забвеніе пошли
И на строгій твой рай
Силу сердцу подай“.

Это настроеніе замѣчалось у Баратынскаго и ранѣе, въ стихотвореніи «Волконской», но въ эти годы оно становится господствующимъ и болѣе устойчивымъ. Однако ошибочно было бы думать, что поэтъ обрѣлъ «неуязвимость» пяты новаго Ахилла—вѣру. На этомъ не успокаивается мятежный духъ пессимиста-мыслителя даже въ послѣдній періодъ: Это настроеніе не успокаиваетъ души, измученной «роковой думой, которая молить разсѣянія» и вспоминаетъ о родственной душѣ сумрачнаго поэта Британіи, именно въ посмертномъ стихотвореніи «Дядькѣ Итальянцу». Двѣ послѣднія фазы развитія духовной личности Баратынскаго — отъ 1842 до 1844 года—объединяются въ одномъ теченіи, характеризующимся въ стремленіи—возлетѣть отъ земного понрища въ высшія области.

Изъ разсмотрѣнія основныхъ мотивовъ поэзіи Баратынскаго отчасти параллельно съ соотвѣтствующими мотивами у Пушкина, ярко выступаетъ демаркаціонная черта, отдѣляющая творчество этихъ двухъ поэтовъ разной степени дарованія.

Поэтическое творчество Баратынскаго болѣе субъективно и глубокомысленно сравнительно съ поэзіей Пушкина, на которую онъ могъ даже вліять въ этомъ смыслѣ. Но этимъ и ограничивается превосходство Баратынскаго сравнительно съ Пушкинымъ. Во всемъ остальномъ поэтъ «высокихъ думъ» стоитъ гораздо ниже преобразователя новой русской поэзіи. Народная основа творчества и тотъ

свѣтлый и плодотворный путь реализма, на который чудодѣйственно вывелъ русскую литературу гениальный вождь новой русской поэзіи Пушкинъ, совершенно несвойственны романтику Баратынскому. Уступая Пушкину въ разносторонности творчества, захватывающаго всѣ роды изящной литературы, въ богатствѣ и разнообразіи поэтическихъ сюжетовъ, въ яркости и конкретности изображеній, въ цѣльности образовъ, въ простотѣ и изящности стиля, Баратынскій по содержанию и формѣ своей поэзіи стоитъ несравненно ниже великаго свѣточа новой русской литературы. Туманный, романтическій и неопредѣленный байронизмъ былъ только лишь недолгимъ временнымъ періодомъ въ творествѣ народнаго гениа, перешедшаго на твердую почву серьезнаго изученія и воспѣванія дѣйствительности и проведенія въ поэзію элементовъ народности.

Положеніе Баратынскаго въ исторіи русской поэзіи вполне точно опредѣлено Пушкинымъ. «Время ему занять степень ему принадлежноти и стать подлѣ Жуковскаго и выше пѣвца Пенатовъ и Тавриды».

Какъ романтикъ, Баратынскій стоитъ далеко ниже Жуковскаго. Въ его поэзіи совсѣмъ нѣтъ тѣхъ элементовъ романтизма, которые бы обогатили русскую литературу явленіями романтической поэзіи запада. Кругъ представленій и образовъ у Баратынскаго уже и бѣднѣе сравнительно съ Жуковскимъ. Стиль его не отличается такой музыкальностью и ясностью, какъ нѣжный стихъ разнообразной музы «поэтическаго дядьки на Руси въдѣмъ и чертей». Стиль Баратынскаго, способъ его выраженія и отдѣльныя слова въ его поэзіи, часто идущіе въ разрѣзъ складу русской рѣчи, ниже стиля поэзіи Жуковскаго. Но съ другой стороны Баратынскій стоитъ выше Батюшкова по глубокомыслию своей поэзіи. Академикъ Леонидъ Николаевичъ Майковъ въ біографіи Батюшкова говоритъ: «какъ въ дѣйствительной жизни Батюшковъ обнаружилъ способность только къ поэтическому творчеству, такъ и въ искусствѣ онъ былъ чистымъ художникомъ». Античный строй поэзіи Батюшкова, культъ красоты не могутъ стать рядомъ съ серьезнымъ и глубокимъ содержаніемъ поэта-мыслителя. Изыщество формы, совершенство словеснаго выраженія, достоинство, характеризующее Батюшкова, ни въ какомъ случаѣ не могутъ стать въ одинъ уровень съ «вдохновеніемъ думъ глубокихъ» Баратынскаго.

Поэтическія звѣзды Пушкинской плеяды группируются : вокругъ свѣтила новой русской поэзіи, получая въ значительной мѣрѣ источникъ свѣта отъ Пушкина. Но звѣзда поэзіи Баратынскаго ближе всѣхъ сопутствующихъ Пушкину, горитъ ярче, и свѣтъ ея имѣетъ свой собственный отблескъ, создающій новое теченіе въ русской поэзіи, теченіе филофское съ пессимистическимъ складомъ міросозерцанія.

Съ историко-литературной точки зрѣнія философская лирика Баратынскаго находитъ себѣ объясненіе, какъ реакція противъ ложноклассической лирики восемнадцатаго вѣка, чопорной, торжественной и лишенной глубокаго содержанія.

Съ другой стороны пессимизмъ Баратынскаго объясняется общественнымъ настроеніемъ и социальными условіями его эпохи и обстоятельствами личной жизни и поэтической дѣятельности. Тяжелыя условія современности вліяли на настроеніе Баратынскаго; онъ не забывалъ мечтаній передовой части общества, и его удручало положеніе народа, униженнаго крѣпостнымъ правомъ.

Условія его личной жизни, печальныя въ дѣтствѣ, не были благоприятны и въ зрѣлыя годы. Современники не оцѣнили совершенствованія его таланта и его литературнаго значенія. А въ семейной жизни хотя Баратынскій и былъ счастливъ, но этого счастья было недостаточно для его глубокаго дѣятельнаго духа.—Вліяніе поэзіи Баратынскаго весьма значительно.

При анализѣ творчества послѣдующихъ русскихъ поэтовъ-мыслителей необходимо всегда имѣть въ виду пѣвца «вдохновенія думъ высокихъ», Гамлета русской поэзіи—Евгенія Абрамовича Баратынскаго. «Всякій писатель, говоритъ Баратынскій въ письмѣ (отпечатанномъ въ Татевскомъ сборникѣ 1831 г. 10) къ И. В. Кирѣевскому, мыслить, слѣдственно, всякій писатель даже безъ собственнаго сознанія,—философъ. Пусть же въ его твореніяхъ отразится собственная его философія, а не чужая». Этому завѣту оставался вѣренъ Баратынскій. Явившись на Руси представителемъ поэзіи міровой скорби, поэтъ излилъ эту скорбь въ разнообразныхъ мотивахъ оригинальной философической поэзіи. Если въ его міровоззрѣніе проникло много элементовъ изъ Руссо, котораго онъ такъ любилъ и понималъ, судя по письмамъ къ Кирѣевскому въ Татевскомъ сборникѣ, если въ его поэмы проникъ Байронизмъ, господ-

ствующій въ Пушкинскій періодъ русской литературы, то въ большинствѣ лирическихъ произведеній философія Баратынскаго вполне оригинальна. Анализируя явленія реальной дѣйствительности и отрицая ихъ духовнымъ критеріумомъ абсолютной истинности, поэтъ обнаруживаетъ ихъ призрачность и мишурную привлекательность. Результатомъ такого анализа является отрицаніе всёхъ наслажденій жизни. Все мимолетно, обманчиво и ничтожно, и ничто не можетъ удовлетворить человѣческаго духа въ его поискахъ абсолютнаго, прекраснаго и дѣйствительно цѣннаго. Эта истина такъ страшна, что поэтъ можетъ ее лицезрѣть только въ торжественный моментъ смерти. Моменты вѣры, этой Ахилесовой стопы современнаго мыслителя, смѣняются моментами отчаянія. Но пессимизмъ Баратынскаго не отравитъ міровоззрѣнія читателей. Въ его пессимизмѣ есть здоровая и бодрая сила духа истиннаго мыслителя. Его поэзія способна только поднимать строй мысли до той высоты, съ которой всё феномены, захватывающіе низшія влеченія человѣческой природы, кажутся совершенно разрушенными и теряющими цѣнность.

Если въ мірѣ наблюдаются только обманчивыя иллюзіи прекраснаго, истиннаго и абсолютнаго, если всё быстротечныя блага жизни мимолетны и люди принадлежатъ мгновенію, также какъ только мгновеніе принадлежитъ имъ, то не мимолетно, не обманчиво, не призратно и не лживо—это постоянное, неумолкаемое и громкое требованіе человѣческаго духа и его поиски абсолютнаго, вѣчнаго, неизмѣннаго и прекраснаго. Это есть высшее начало жизни, источникъ совершенства и блага, и то добро, которое тщетно пытался найти поэтъ-пессимистъ въ реальномъ мірѣ, самыми этими неустанными поисками, безъ премирений и квіетизма, доказывавшій съ достаточною и полною очевидностью величіе человѣческаго духа въ его исконной сущности. Въ этомъ и заключается положительная сторона его творчества и литературная заслуга его глубокой и оригинальной поэзіи.

Евгеній Жураковскій.

ПУШКИНСКІЙ СБОРНИКЪ.

Статьи студентовъ Императорскаго Московскаго
Университета

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

Проф. А. И. Кирпичникова.

МОСКВА.
Университетская типографія, Страстной бульварь.
1900.